

А.Г. ЗОРИХИН

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ЯПОНИИ ПРОТИВ СССР

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ СПЕЦСЛУЖБ В ЕВРОПЕ,
НА БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. 1922—1945 гг.**

Новейшие исследования по истории России

Александр Зорихин

**Военная разведка Японии
против СССР. Противостояние
спецслужб в Европе, на Ближнем
и Дальнем Востоке. 1922—1945**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(470)"1922/1945"
ББК 63.3(2)6

Зорихин А. Г.

Военная разведка Японии против СССР. Противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. 1922—1945 / А. Г. Зорихин — «Центрполиграф», 2023 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-10476-2

Книга посвящена деятельности японской военной разведки против Советского Союза в 1922—1945 гг. Она написана на основе сравнительного анализа документов из архивохранилищ России, Японии, Великобритании, США и Польши с привлечением исследований на русском, украинском, польском, английском, немецком и японском языках. Все документальные материалы вводятся в оборот впервые. В работе оценивается результативность деятельности японской военной разведки и отечественной контрразведки, прослеживается влияние информации специальных органов двух стран на принятие важнейших решений в сфере внешней политики и обороны. Первостепенное внимание уделено периодам военных конфликтов СССР и Японии на Хасане (1938), Халхин-Голе (1939), событиям Великой Отечественной войны (1941 —1945) и Советско-японской войны (1945) в контексте деятельности японской разведки. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)"1922/1945"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-227-10476-2

© Зорихин А. Г., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

Введение	7
Глава 1	20
§ 1. На пути к компромиссу (1922–1925)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Геннадьевич Зорихин
Военная разведка Японии против СССР.
Противостояние спецслужб в Европе, на
Ближнем и Дальнем Востоке. 1922—1945

© Зорихин А.Г., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Введение

Противостояние Советского Союза и стран фашистского блока во второй четверти XX в. является кульминационным моментом новейшей истории, который предопределил расстановку сил на международной арене и заложил основы современного мирового порядка. При этом Красная армия принесла мир и свободу не только израненной войной Европе, но и народам Азии.

Однако руководство современной Японии полагает, что Советский Союз вероломно нарушил условия пакта о нейтралитете 1941 г., развязал советско-японскую войну и незаконно оккупировал так называемые «северные территории» – четыре острова на юге Курильской гряды. Отдельным пунктом в списке японских претензий к Москве стоит судьба военнослужащих Квантунской армии, находившихся в советском плену с 1945 по 1956 г.

Наша страна как правопреемник СССР исходит из принципа незыблемости сложившейся в результате разгрома фашизма международной договорно-правовой системы и выступает за строительство отношений с Японией только на этой основе. Отечественная историческая наука со своей стороны активно участвует в диалоге с Токио, аргументированно и объективно доказывает неизбежность противостояния двух стран во Второй мировой войне и закономерность поражения Японии как союзника нацистской Германии.

На этом фоне малоизученной страницей советско-японских отношений остаётся история разведывательного противоборства двух государств. Несмотря на обилие публикаций о деятельности японских спецорганов против СССР, до сих пор широкой общественности не представлены объективные результаты открытых исследований о роли военной разведки Японии в выработке императорским правительством политики относительно нашей страны в 1922–1945 гг., её участия в развязывании агрессии в Маньчжурии, Китае и МНР, хотя зачастую именно информация разведорганов армии определяла линию поведения Токио в контактах с Москвой и Берлином, способствуя нагнетанию либо нормализации двусторонних отношений.

Ранее решение этой задачи осложнялось узостью источниковой базы в связи с нахождением большинства документов на закрытом архивном хранении. Однако в начале XXI в. Россия и Япония открыли большинство своих архивохранилищ, что позволило изучить механизмы функционирования и содержания информации японской военной разведки, оценить объективность и достоверность поступавших по её каналам сведений о намерениях Москвы и, как следствие, понять логику принятых Токио решений по СССР.

Кроме того, анализ информации и методов деятельности военной разведки Японии даёт уникальный шанс оценить эффективность работы советских контрразведывательных органов всех уровней, выявить слабые места в системе обеспечения безопасности нашей страны и скорректировать актуальную деятельность отечественных спецслужб с учётом использования сопредельными государствами японского опыта.

В *отечественной историографии* изучение деятельности японской военной разведки рассматриваемый в книге период началось в 30-х гг. прошлого века, практически сразу после захвата Японией Маньчжурии. Наряду с работами и статьями публицистического плана в 1934 г. появилось первое закрытое научное исследование, написанное начальником кафедры разведки Военной академии имени М.В. Фрунзе К.К. Звонаревым – «Японская разведывательная служба». Кроме того, в 1939 г. в открытой печати была опубликована работа начальника японского отделения 3-го (контрразведывательного) отдела Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (ГУГБ НКВД) СССР А.А. Гузовского («А. Вотинков») «Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг.», а в

1940 г. Особое бюро при наркоме внутренних дел подготовило закрытую монографию «Японская разведка»¹.

В послевоенный период исследования о деятельности военной разведки Японии носили ведомственный характер и выполнялись территориальными органами государственной безопасности и Высшей Краснознамённой школой Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР². Работ, предназначенных для широкого круга читателей и исследователей, было достаточно мало³, что обуславливалось нежеланием органов КГБ раскрывать методы противодействия японской разведке, которые использовались в борьбе с американскими и китайскими спецслужбами. В то же время, в 1989 г., увидела свет монография А.А. Кошкина «Крах стратегии „спелой хурмы“: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг.», в которой впервые в научный оборот были введены исследования японских историков, касавшиеся участия разведорганов империи в планировании боевых действий против СССР в 1941–1945 гг.⁴

После распада Советского Союза и кратковременной либерализации архивной политики Федеральной службой безопасности (ФСБ) и Министерством обороны, тема разведывательного противостояния Японии и СССР в 1922–1945 гг. вновь оказалась востребованной отечественными историками. В работах В.С. Христофорова, Е.А. Горбунова, А.В. Соловьёва, Н.С. Чумакова, О.В. Шинина, А.М. Буякова, В.В. Слабука, С.В. Тужилина, А.Ю. Цыбина, А.Б. Шульженко, Л.В. Ку-раса, А.Г. Теплякова, О.Б. Мозохина, А.Е. Куланова были раскрыты детали проводившихся органами государственной безопасности оперативных мероприятий по пресечению агентурной деятельности в СССР зарубежного разведаппарата Генштаба Японии и попыток активного использования им эмигрантских организаций в Маньчжурии⁵. В иссле-

¹ *Володин И.* Иностранный шпионаж на Советском Дальнем Востоке // Правда. 1937. 23 апреля; *Гирицкий З.* Агенты капитана Обара // Комсомольская правда. 1937. 26 апреля; *Кириллович К.* Шпионы некоей державы // Известия. 1937. 24 июля; *Звоначев К.К.* Японская разведывательная служба. М.: Военная академия РККА им. М.В. Фрунзе, 1934. 475 с.; *Вотинов А.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1939. 72 с.; Японский шпионаж в царской России. Сборник документов / Под ред. П. Софинова. М.: ГАУ НКВД СССР, 1944. 219 с.; Японская разведка. М.: Особое бюро при наркоме внутренних дел СССР, 1940. 221 с.

² *Формы и методы подрывной работы японской разведки: Сборник газетных и журнальных статей.* М.: Высшая школа МГБ СССР, 1946. 216 с.; *Справка о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии 1945–1946 гг.* Ворошилов-Уссурийский: б/и, 1947. 10 с.; *Аленцев В.Т.* Задачи органов МГБ по борьбе с агентурой японских разведывательных органов. М.: ВШ МГБ, 1949; Японская разведка: Учебное пособие. М.: ВШ КГБ при СМ СССР, 1963. 107 с.; *Мазеркин Ю.П.* Борьба органов государственной безопасности Приморья с подрывной деятельностью японской разведки в 1941–1945 годах // Труды Высшей Краснознамённой школы КГБ СМ СССР. 1971. № 2. С. 137–149; *Петров И.Ф.* Борьба органов госбезопасности Хабаровского края с подрывной деятельностью японской разведки в предвоенные и военные годы // Труды Высшей Краснознамённой школы КГБ СМ СССР. 1971. № 2. С. 150–159; *Вялков Л.И.* Борьба приморских чекистов с врагами советской власти в 1922–1928 гг. Владивосток: УКГБ при СМ СССР по Приморскому краю, 1972. 48 с.; *Его же.* Органы государственной безопасности Дальнего Востока в борьбе с подрывной деятельностью японской разведки в предвоенный период (1938–1939 гг.): Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М.: ВКШ КГБ СССР, 1979; История советских органов государственной безопасности: Учебник. М.: ВКШ КГБ СМ СССР, 1977. 638 с.; Советская военная контрразведка: Сборник документов. Вып. 2 (1922–1941 гг.). М.: ВКШ КГБ СССР, 1981. 532 с. **Примечания**

³ *Лёд и пламень: Документально-художественный сборник.* Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1976. 311 с.; *Крамар П.В.* Расплата: Повесть. М.: Воениздат, 1987. 158 с.; *Рагинский М.Я.* Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юридическая литература, 1985. 360 с.; Щит и меч Приамурья. Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского кн. изд-ва, 1988. 272 с.

⁴ *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989. 271 с.

⁵ *Смерш: исторические очерки и архивные документы.* М.: Московские учебники и картолитогрфия, 2005. 343 с.; *Христофоров В.С.* Советские органы госбезопасности в войне с Японией // *Христофоров В.С.* История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2013. С. 566–580; *Соловьёв А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: ООО «Издательство „Русь“», 2019. 864 с.; *Николаев С. (Чумаков Н.С.).* Запасной вариант: Рассказы о деятельности чекистов Хабаровского края. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. 208 с.; *Чумаков Н.С.* Дело «Маки-Мираж». Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2013. 240 с.; *Горбунов Е.А.* Схватка с Чёрным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М.: Вече, 2002. 512 с.; *Слабука В.В.* Обрубленные шупальца «Спрута» // Дело взято из архива...: Сборник очерков истории органов государственной безопасности Камчатки. Владивосток: Русский остров, 2008. С. 117–157; *Мозохин О.Б.* ОГПУНКГБ в борьбе со спецслужбами Японии: Монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 535 с.; *Цыбин А.Ю.* Выявление и пресечение японского шпионажа дальневосточными чекистами в 1922–1934

довании В.Н. Хаустова и Леннарта Самуэльсона рассматривается взаимосвязь между деятельностью иностранных разведок, в том числе и японской, и массовыми репрессиями в Советском Союзе в предвоенный период⁶. Значительный объём фактического материала из числа перехваченных советской разведкой и контрразведкой документов японских разведывательных органов в Европе, СССР и на Ближнем Востоке был введён в научный оборот и проанализирован А.А. Здановичем, В.И. Ершовым, В.В. Капистка, Л.Ф. Соцковым, А.А. Кириченко⁷. Существенный вклад в изучение истории формирования и деятельности русского диверсионно-разведывательного отряда «Асано» внёс С.В. Смирнов⁸. В исследовании А.В. Трехсвятского впервые был поставлен вопрос о роли бывшего руководителя органов государственной безопасности Дальневосточного края Г.С. Люшкова в возникновении «хасанского инцидента» и об его использовании японской разведкой в подрывных операциях против СССР⁹. Историк-архивист А.Е. Забелин изучил взаимодействие японской и польской разведок в Прибалтике и Скандинавии в годы Второй мировой войны, а также подготовку переводчиков в харбинской школе русского языка Квантунской армии. И.В. Просветов рассмотрел мероприятия советской контрразведки в предвоенный период против японского разведывательного аппарата в европейской части нашей страны. Вопросы сотрудничества радиоразведывательных органов армий Японии и Финляндии в годы Второй мировой войны нашли отражение в монографии В.В. Никитина¹⁰. Изучению связей японской военной разведки с лидерами тюрко-татарской эмиграции посвящены исследования Л.Р. Усмановой и А.Б. Юнусовой¹¹.

годах // Исторические чтения на Лубянке. 2007 год. М.: Кучково поле, 2008. С. 100–110; *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 432 с.; *Туржилин С.В.* К вопросу о борьбе дальневосточных органов государственной безопасности с японской разведкой накануне и в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: подвиг народа и уроки истории: Материалы межрегиональной науч. – практ. конференции, посвящённой 65-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Хабаровск, 25–26 февраля 2010 г.). Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2010. С. 56–61; *Его же.* Органы государственной безопасности СССР накануне и в ходе Советско-японской войны 1945 года // Военно-исторический журнал. 2023. № 4. С. 18–37; *Его же.* «Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х – начало 1940-х гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 134–138; *Его же.* Противостояние спецслужб СССР и Японии на Дальнем Востоке в предвоенный период (конец 1930-х гг.) // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX–XXI вв. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. С. 111–118; *Его же.* Японские военные миссии на советском Дальнем Востоке // Великая Отечественная война. 1945 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во ГБУ «ЦГА Москвы», 2015. С. 183–226; *Его же.* Специфика взаимодействия специальных служб Японии и Германии в ущерб безопасности СССР накануне и в годы Второй мировой войны // Религия, стабильность, безопасность [Электронный ресурс]: Сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. С. 43–55; *Курас Л.В.* Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР // Из истории спецслужб Бурятии: Мат-лы науч. – практ. конференции, посвящённой 80-летию ВЧК – ФСБ. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. С. 46–49; *Его же.* Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) // Власть. 2014. № 9. С. 143–146; *Шульженко А.Б.* Борьба органов ОГПУ советского Дальнего Востока с иностранными спецслужбами в 20-х годах XX века // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 94–99; *Буяков А.М.* Организация и деятельность русского отряда «Асано» в Маньчжурии (1938–1945 гг.) // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. Кн. 2. Владивосток, 1999. С. 123–130; *Буяков А.М., Шилин О.В.* Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. М.: Кучково поле; Беркут, 2013. 432 с.; *Куланов А.Е.* В тени Восходящего солнца. М.: Вече, 2014. 352 с.

⁶ *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 432 с.

⁷ *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2009. 802 с.; *Ершов В.И.* Под лучами восходящего солнца // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 годы. М.: Международные отношения, 1997. С. 222–232; *Капистка В.В.* Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 44–47; *Его же.* Организация и особенности деятельности военной разведки Японии против СССР в 1930-е годы // Вестник Академии военных наук. 2006. № 4. С. 97–103; 2007. № 1. С. 124–129; *Его же.* «Раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского Генерального штаба» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 21–27; *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: на службе СД и абвера. М.: Рипол классик, 2003. 336 с.; *Черевко К.Е., Кириченко А.А.* Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М.: МППА «БИМПА», 2006. 320 с.; *Кириченко А.А.* Японская разведка против СССР. М.: Вече, 2016. 288 с.

⁸ *Смирнов С.В., Буяков А.М.* Отряд Асано: русские эмигранты в вооружённых формированиях Маньчжоу-Го (1938–1945). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 320 с.

⁹ *Трехсвятский А.В.* Дело Люшкова // Россия и АТР. 1998. № 1. С. 90–104.

¹⁰ *Забелин А.Е.* Центр японского шпионажа в Скандинавии // Независимое военное обозрение. 2008. 22 февраля; *Его же.* Харбинская школа военных переводчиков // Япония наших дней. 2011. № 3 (9). М.: ИДВ РАН, 2012. С. 61–76; *Просветов И.В.* «Крёстный отец» Штирлица. М.: Вече, 2015. 320 с.; *Никитин В.В.* Состязание с бурей. Финская радиоразведка против

Одновременно увидел свет цикл работ украинских исследователей, в котором рассматривались контакты разведорганов японской армии с представителями Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской Народной Республики (УНР)¹². Они дополнили изданную в 1972 г. содержательную работу «Украинско-японские отношения, 1903–1945» бывшего активиста украинского эмигрантского движения в Северной Маньчжурии Ивана Свита, позднее перебравшегося в США, в которой подробно раскрыта история взаимодействия японской военной разведки с украинскими националистами в Европе и на Дальнем Востоке¹³.

Тем не менее, несмотря на большое количество работ, посвящённых истории советских и японских спецслужб, сегодня достаточно трудно найти комплексное исследование, в котором бы рассматривался генезис структуры и методов деятельности разведывательных органов японской армии. Внимание практически всех исследователей обращено на вопросы советского контрразведывательного противодействия японскому шпионажу.

Исключение составляют статьи историка С.А. Куртинца, написанные по материалам Центрального оперативного архива ФСБ и Архива УФСБ по Омской области. В них он, в частности, рассматривает процесс становления разведорганов армии и Министерства иностранных дел (МИД) Японии в Приморье и Северной Маньчжурии в 1922–1930 гг., оценивает эффективность работы японской разведки против нашей страны до так называемого «маньчжурского инцидента»¹⁴. Кроме того, отдельная глава, посвящённая структуре и основным направлениям деятельности разведывательных и контрразведывательных органов Японии в годы Второй мировой войны, имеется в вышедшей в 2020 г. коллективной монографии О.Б. Мозохина и С.В. Тужилина¹⁵.

Достаточно подробно деятельность органов военной разведки Японии накануне и в годы Великой Отечественной войны изучена В.П. Ямпольским, защитившим в 1983 г. диссертацию на тему «Борьба органов государственной безопасности СССР с подрывной деятельностью японской разведки в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)». Опираясь на архивные материалы из фондов Федеральной службы безопасности, он раскрыл структуру, формы и методы деятельности Информационно-разведывательного управления (ИРУ) Квантунской армии, проанализировал влияние докладов военного и военно-морского атташе Япо-

---

СССР. СПб.: Литография Принт, 2020. 316 с.

¹¹ Усманова Р.Л. Первые мечети в Японии // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 2. С. 117–127; Юнусова А.Б. Японская военная разведка и мусульманская эмиграция на Дальнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны // Археология Южного Урала. Мат-лы V Межрегиональной науч. – практ. конференции, посвящённой 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2005. С. 170–177.

¹² Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА. 1920–1945. Киев: Генеза, 2006. 408 с.; Комар В.Л. Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 р.р.). Івано-Франківськ: Місто НВ, 2011. 360 с.; Посівнич М.Р. Деякі аспекти діяльності Організації Українських Націоналістів на Далекому Сході // Український визвольний рух. Збірник 5. Львів: Центр досліджень визвольного руху, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2005. С. 118–130; Сідак В.С. Особливості розвідувальної діяльності військової спецслужби Державного Центру УНР в екзилі у міжвоєнний період // Воєнна історія. 2002. № 3–4. С. 97–109.

¹³ Світ І.В. Українсько-японські взаємини. Історичний огляд і спостереження. Нью-Йорк: Вид. Українського Історичного Товариства, 1972. 371 с.

¹⁴ Куртинiec С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // Вестник ДВО РАН. 2011. № 1. С. 28–35; Его же. Разведывательно-подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х годов XX века // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1. С. 100–104; Его же. Деятельность японской разведки на Дальнем Востоке России и в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 1 (46). С. 95–102; Его же. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 115–125; Его же. Борьба органов безопасности с национальными диаспорами – представителями японских спецслужб на Дальнем Востоке в 20-х – начале 30-х гг. XX века // Проблемы и перспективы развития пограничной деятельности в Российской Федерации: Мат-лы Всероссийской науч. – практ. конференции. Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2012. С. 447–452; Его же. Деятельность японской военной миссии на ст. Маньчжурия в 20-е гг. XX века // Защита и охрана Государственной границы Российской Федерации: состояние и перспективы развития: Материалы Всероссийской науч. – практ. конференции. Ч. 3. Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2008. С. 106–113.

¹⁵ Мозохин О.Б., Тужилин С.В. Борьба спецслужб СССР и Японии в годы Второй мировой войны. М.: Вече, 2020. 544 с.

нии в СССР на принятие высшим руководством империи политических решений на советском направлении в годы ВОВ, оценил эффективность агентурного проникновения японской разведки в нашу страну¹⁶.

Закономерным итогом обобщения и анализа всего накопленного в нашей стране массива данных по истории советско-японского разведывательного противостояния стал выпуск в 2013 г. шестого тома энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», посвящённого деятельности разведки и контрразведки Советского государства в рассматриваемый период¹⁷.

Однако существенным недостатком всех ранее опубликованных работ является их опора на отечественные архивные материалы, что порождает неизбежные искажения при переводе имён и фамилий японских офицеров, вносит путаницу в описание структуры и механизмов функционирования разведывательных органов императорской армии и военно-морского флота.

В значительной степени указанные недостатки преодолел владивостокской историк А.В. Полутов, предметом научных интересов которого являлась деятельность японской разведки в первой половине XX в. Его работы написаны главным образом на основе ранее не вводившихся в научный оборот материалов Министерства иностранных дел, Национального архива и Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны Японии (НИИО МНО), а также исследований японских историков¹⁸.

---

¹⁶ *Ямольский В.П.* Контрразведывательное обеспечение боевых действий советских войск на Дальнем Востоке в августе – сентябре 1945 г. // Труды Высшей Краснознамённой школы КГБ СССР. 1981. № 24. С. 191–209; *Его же.* Роль специальных служб в захватнических планах японских милитаристов, направленных против СССР // Труды Высшей Краснознамённой школы КГБ СССР. 1982. № 27. С. 296–316; *Его же.* Борьба органов государственной безопасности СССР с подрывной деятельностью японской разведки в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды Высшей Краснознамённой школы КГБ СССР. 1985. № 36. С. 43–60; *Его же.* Некоторые вопросы организации контрразведывательной деятельности органов НКВД – НКГБ СССР по японской линии в годы Великой Отечественной войны // Труды Высшей Краснознамённой школы КГБ СССР. 1987. № 39. С. 444–459; *Его же.* «На границе тучи ходят хмуро...» (О провокациях японской военщины против СССР в 30—40-е гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 44–50; *Его же.* Ё. Мацуока: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска» // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 50–55; *Его же.* «Наша контрразведка в Маньчжурии... почти равна нулю» // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С. 13–17; *Его же.* «... Не хочешь находиться в тюрьме – изъяви желание сотрудничать с разведкой» // Военно-исторический журнал. 2001. № 12. С. 29–33; *Его же.* «Тактика хамелеона» в действиях японских спецслужб на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 26–31; *Его же.* Там, на Востоке... // Тайные страницы истории: Сборник. М.: ЗАО «ЛГ Информэйшн Груп», ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 361–388.

¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 6. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.

¹⁸ *Вялков Л.И., Полутов А.В.* Маньчжурский плацдарм. Деятельность японской разведки против СССР на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг. // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 112–145; *Полутов А.В.* Вербовать – так шифровальщика! // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 257–259; *Его же.* По обе стороны границы: контрразведка флота против японской разведки // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 145–190; *Его же.* Работа 2-го (разведывательного) отдела штаба Корейской армии против Дальнего Востока СССР в 1918–1941 гг. // Мат-лы Международной науч. конференции, посвящённой 50-летию восстановления российско-японских отношений и 270-летию учреждения Школы японского языка при Российской академии наук. Санкт-Петербург, 21–22 октября 2006 г. СПб., 2006. С. 132–141; *Его же.* Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916–1945 гг. (по материалам японских источников) // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. Мат-лы научнотеоретич. конференции. 3–4 февраля 2003 г. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. С. 54–64; *Его же.* Оценка японскими спецслужбами политических репрессий в СССР 1937–1938 гг. // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: Сборник научных статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 85–90; *Его же.* Радиоразведка Квантунской армии против СССР (1932–1945) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 3. С. 89–103; *Его же.* Разведка особого назначения Квантунской армии // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXVIII. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 201–226; *Его же.* Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го (1937–1945 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 169–181; *Его же.* Корейская агентура японской военной разведки против советского Приморья в 1924–1942 гг. // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 2: Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны (1939–1945). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2013. С. 19–29.

Западная историография представлена работами научно-исследовательских центров и отдельных историков из США, Великобритании, Германии, Швеции и Польши, что обусловлено непосредственным участием этих стран в боевых действиях в рядах союзников или противников Японии в годы Второй мировой войны. Стоит, однако, отметить, что, несмотря на обилие работ, посвящённых деятельности японской военной разведки в первой половине XX в., на Западе ещё не издано ни одной монографии, в которой бы предметно анализировалась деятельность разведывательных органов империи против СССР¹⁹.

В числе первых к проблеме работы военной разведки Японии против нашей страны и влияния её информации на выработку высшим руководством империи политического курса на советском направлении обратился американский историк Кацу Хираи Янг. В своей диссертации он использовал захваченные армией США документы Военного министерства и Генерального штаба (ГШ) Японии, однако хронологические рамки исследования охватывают 1936–1941 гг. и ограничены главным образом деятельностью разведывательных органов японской армии в ходе боевых действий на Хасане (1938) и Халхин-Голе (1939)²⁰.

К трудам, раскрывающим процессы формирования и функционирования разведывательного сообщества Японии, относятся исследования Ричарда Дикона, Джеймса Хансена и Стефана Меркадо²¹. Особняком в этом ряду стоят публикации Элвина Кукса «Номонхан: Япония против России, 1939» и «Случай из практики разведки: Между молотом и наковальней: побег в Японию генерала НКВД Г.С. Люшкова, 1938–1945», в которых впервые в научный оборот введены документы Генерального штаба и Военного министерства Японии, отразившие результаты работы военной разведки на советском направлении в 1922–1945 гг.²²

Опора на использование американских и японских архивных материалов характерна для другого исследователя истории императорской армии из США – Эдварда Джона Дри, автора нескольких публикаций о деятельности военной разведки Японии во Второй мировой войне. Большой объём японских источников также проанализирован в диссертации Джеймса Эдвина Уэлэнда, посвящённой истории разведывательных операций Квантунской армии и Генерального штаба Японии в Маньчжурии в 1922–1932 гг.²³

Тема японо-германского разведывательного сотрудничества детально рассмотрена в монографиях Карла Бойда «Чрезвычайный посланник: генерал Хироси Осима и дипломатия в Третьем рейхе, 1934–1939» и «Доверенное лицо Гитлера из Японии: генерал Хироси Осима и разведывательная операция „Мэджик“, 1941–1945», написанных на основе дешифрованной американской радиоразведкой переписки японского посланника с Токио, а также в книге бывшего сотрудника немецкой военной разведки (абвер) майора Пауля Леверкюна. Необходимо, однако, отметить, что впервые проблема взаимодействия двух разведслужб была изучена восточногерманским историком Юлиусом Мадером²⁴.

¹⁹ В то же время ряд серьёзных аналитических материалов о работе японской разведки против СССР до сих пор находится на закрытом хранении в архивах Центрального разведывательного управления и Агентства национальной безопасности США.

²⁰ *Young, Katsu Hirai*. The Japanese Army and the Soviet Union: 1936–1941. Washington: University of Washington, 1968. 434 p.

²¹ *Deacon, Richard*. A Kempei Tai: History of the Japanese Secret Service. London: Berkley Publishing Company, 1986. 306 p.; *Hansen, James*. Japanese Intelligence: The Competitive Edge. Washington, DC: NIBC Press, 1996. 222 p.; *Mercado, Stephen C.* The Shadow Warriors of Nakano: A History of the Imperial Japanese Army's Elite Intelligence School. Washington, DC: Brassey's, 2002. 331 p.

²² *Coox, Alvin D.* Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press, 1990. 1276 p.; *Ego же*. Intelligence Case Study: The Lesser of Two Hells: NKVD General G.S. Lyushkov's Defection to Japan, 1938–1945 // The Journal of Slavic Military Studies, L. Volume 11. № 3. September, 1998. P. 145–186; № 4. December, 1998. P. 72–110.

²³ *Drea, Edward J.* In the Service of the Emperor: Essays on the Imperial Japanese Army. Lincoln: University of Nebraska Press, 1998. 300 p.; *Ego же*. Missing Intentions: Japanese Intelligence and the Soviet Invasion of Manchuria, 1945 // Military Affairs. Volume 48. № 2. April. 1984. P. 66–73; *Weland, James Edwin*. The Japanese Army in Manchuria: Covert Operations and the Roots of Kwantung Army Insubordination. Tuscon: The University of Arizona, 1977. 303 p.

²⁴ *Boyd, Carl*. The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Ōshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934–1939. Washington, DC: University Press of America, 1982. 246 p.; *Ego же*. Hitler's Japanese Confidant: General Hiroshi Ōshima and Magic Intelligence,

В Польше основное внимание исследователей сосредоточено на процессах формирования и функционирования японо-польского разведывательного альянса. В работах Евы Палаш-Рутковской, Анджея Ромеры, Анджея Пеплоньского, Александра Смолинского, Марцина Крушиньского, Павла Либеры, Войцеха Влодаркевича, Мариуша Волоса прослеживаются мотивы возникновения этого союза, характер сотрудничества в межвоенный период и в годы Второй мировой войны по линии органов агентурной и радиотехнической разведки, результаты деятельности польских резидентур в Скандинавии под эгидой военных атташатов Японии и в Маньчжурии при командовании Квантунской армии²⁵.

Эти вопросы, а также взаимодействие разведывательных органов Японии и Швеции в 1941–1945 гг. с опорой на рассекреченные архивные материалы американских, британских и шведских спецслужб рассмотрены в опубликованной в 2021 г. монографии Берта Эндстрёма «Мастер шпионажа на задании: нерассказанная история Онодэра Макото и шведской разведки»²⁶.

В японской историографии изучение работы военной разведки против СССР в рассматриваемый период носит ограниченный характер. Подробнее всего этот вопрос освещён в монографии бывшего сотрудника ИРУ Квантунской армии Нисихара Юкио «Полная летопись харбинской военной миссии: По следам Информационно-разведывательного управления Квантунской армии», в которой анализируются процессы становления и функционирования органов агентурной, специальной и радиотехнической разведки объединения в 1918–1945 гг.²⁷

Тематика советско-японского разведывательного противостояния также успешно исследуется бывшим сотрудником Центра военной истории НИИО МНО Котани Кэн. В своей книге «Японская разведка во Второй мировой войне» он посвятил этой теме отдельную главу, в которой сделал вывод о высокой эффективности советских контрразведывательных мероприятий и слабой работе органов агентурной разведки японской армии и военно-морского флота²⁸.

Значительный объём фактического материала о деятельности военной разведки против СССР накануне и в годы Второй мировой войны содержат исследования бывшего начальника советского отдела Разведывательного управления Генерального штаба (РУ ГШ) полковника Хаяси Сабуро, ставшего после капитуляции империи основным для американцев источником

1941–1945. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1993. 271 p.; *Левверкюн П.* Германская военная разведка. Шпионаж, диверсии, контрразведка. 1935–1944 / Пер. с англ. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. 223 с.; *Mader, Julius.* Hitlers Spionageregenerale sagen aus: Ein Dokumentarbericht ьber Aufbau, Struktur und Operationen des OKW-Geheimdienstamtes Ausland/Abwehr mit einer Chronologie seiner Einsdtze von 1933 bis 1944. Berlin: Verlag der Nation, 1971. 475 s.; *Мадер Ю.* Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня / Сокр. пер. с нем. М.: Политиздат, 1984. 304 с.

²⁵ *Patasz-Rutkowska, Ewa, Romer, Andrzej.* Historia stosunkow polsko-japon“ skich 1904–1945. Warszawa: Bellona, 2009. 384 s.; *Kuromiya, Hiroaki, PeptonUski, Andrzej.* Między Warszawą a Tokio: Polsko-japon“ ska wspyłpraca wywiadowca 1904–1944. Torun“: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. 529 s.; *PeptonUski, Andrzej.* Działalnos“ c“ Oddziału II Sztabu Naczelnego Wodza na terenie Skandynawii i pan“ stw bałtyckich w czasie II wojny s“ wiatowej // *Słupskie Studia Historyczne.* Tom 11 (2004). S. 121–129; *SmolinUski, Aleksander.* Pryba oceny wartos“ ci poznawczej akt pozostalych po Oddziale II Sztabu Gływnego Wojska Polskiego w konteks“ cie możliwos“ ci opisu sytuacji wojskowej, ekonomicznej i społecznej ZSRS w latach 1921–1939 // *Archiwa – Kancelarie – Zbiory.* 2012. 3 (5). S. 55–94; *KruszynUski, Marcin.* Stanisław Patek w Japonii. Z działalnos“ ci polskiego poselstwa w Tokio w latach 1921–1926 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F.* Vol. LXI. Lublin, 2006. S. 137–158; *Kuromiya, Hiroaki, Libera, Paweł.* Notatka Włodzimierza Bączkowskiego na temat wspyłpracy polsko-japon“ skiej wobec ruchu prometejskiego (1938) // *Zeszyty Historyczne. Biblioteka «Kultura».* T. 548. Paryż: Instytut literacki, 2009. S. 114–135; *Wolos, Mariusz.* Misja kapitana Jana Kowalewskiego do Japonii w 1923 roku // *Wywiad I kontrwywiad wojskowy II RP. Studia i materiały z działalnos“ ci Oddziału II SG WP.* T. 1. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2010. S. 329–341; *Włodarkiewicz, Wojciech.* Przed 17 wrzes“ nia 1939 roku: Radzieckie zagrozenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych 1921–1939. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2002. 327 s.

²⁶ *Edstrum, Bert.* Master Spy on a Mission: The Untold Story of Onodera Makoto and Swedish Intelligence 1941–1945. London: Amazon, 2021. 440 p.

²⁷ *Нисихара, Юкио.* Дзэнкироку Харубин токуму кикан: Кантогун дзэхобу-но кисэки = Полная летопись харбинской военной миссии: По следам Информационно-разведывательного управления Квантунской армии. Токио: Майнити Симбунся, 1980. 300 с.

²⁸ *Kotani, Ken.* Japanese intelligence in World War II. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2009. 224 p.

информации о формах и методах японской агентурной работы в нашей стране²⁹. Стоит также отметить, что американские специалисты подвергли тщательному допросу другого руководителя советского направления Генштаба – полковника Котани Эцуо, чья рукопись «Разведывательная деятельность в Маньчжурии» сегодня находится на постоянном хранении в архиве НИИО МНО Японии³⁰.

К числу обобщающих исследований следует отнести монографию полковника в отставке Арига Цутао «Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность», в которой автор сосредоточил внимание на процессах формирования и функционирования разведывательных служб Генерального и Морского Генерального штабов после так называемого «маньчжурского инцидента»³¹. Эти же вопросы раскрыты в коллективном труде «Школа сухопутных войск Накано» путём анализа деятельности первого в истории японской армии центрального учебного заведения военной разведки³².

Наряду с исследованиями обобщающего характера японские историки выпустили ряд работ о деятельности отдельных разведывательных органов Генштаба и Квантунской армии против СССР в изучаемый период (1922–1945).

Так, сын бывшего начальника дайрэнской военной миссии Ясуэ Хироо опубликовал в 1980 г. монографию, посвящённую её работе и контактам с еврейской диаспорой в Маньчжурии и США³³. История организации и применения диверсионно-разведывательных частей Квантунской армии, в том числе отряда «Асано», нашла отражение в исследовании Кавахара Эмон³⁴.

Деятельность военного атташе в Швеции Онодэра Макото, ставшего в годы Второй мировой войны одним из главных источников информации японского Генштаба о СССР с позиций Европы, достаточно подробно освещена в монографиях его жены Онодэра Юрико, историка Окабэ Нобуру и в статье профессора университета «Мэйдзё» из Нагоя Инаба Тихару³⁵. Логическим продолжением изучения контактов японской военной разведки с партнёрами из Финляндии и стран Прибалтики стали работы историка Масунага Синго, который ввёл в научный оборот большой объём документов из Национальных архивов Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, Швеции и Японии³⁶. Тематика японо-германского разведывательного сотрудни-

²⁹ *Хаяси, Сабуро*. Кантогун то кёкуто сорэнгун = Квантунская армия и Советская армия на Дальнем Востоке. Токио: Фуэ сёбо, 1974. 324 с.; *Его же*. Kogun: the Japanese army in the Pacific war. Quantico, VA: Marine Corps Association, 1959. 249 p. Кроме того, в НИИО МНО хранится его неопубликованная рукопись «Как мы вели разведку против СССР». См.: Архив НИИО МНО Японии. Рикугун иппан сирё. Тюо. Гундзи гёсэй. Сонота. Хаяси Сабуро. Варэварэва доноё-ни тайсо дзёхо кимму-о ятта = Исторические материалы секции сухопутных войск. Центральные органы. Военная администрация. Разное. Хаяси Сабуро. «Как мы вели разведку против СССР» = Тюо-гундзи гёсэй сонота-151.

³⁰ Там же. Рикугун иппан сирё. Мансю. Дзэмпан. Мансю-ни окэру ёхэйтэки кансацу. Дай 6 сё. Мансю-ни окэру дзёхо кимму = Исторические материалы секции сухопутных войск. Маньчжурия. Общее. Наблюдение за военной ситуацией в Маньчжурии. Раздел 6. Разведывательная работа в Маньчжурии. 1934–1945 годы. Мансю дзэмпан-364.

³¹ *Арига, Цутао*. Нихон рикуйкайгун-но дзёхо кико то соно кацудо = Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность. Токио: Киндай Бунгэйся, 1994. 355 с.

³² Рикугун Накано гакко. Накано коюкайхэн = Школа сухопутных войск Накано. Ассоциация выпускников. Токио: Хара сёбо, 1978. 919 с.

³³ *Ясуэ, Хироо*. Дайрэн токуму кикан то мабороси-но юдая кокка = Японская военная миссия в Дайрэне и призраки еврейского государства. Токио: Яхата сётэн, 1980. 285 с.

³⁴ *Кawahara, Эмон*. Кантогун боряку бутай = Диверсионные отряды Квантунской армии. Токио: Пресс Токио сюпанкёку, 1970. 234 с.

³⁵ *Онодэра, Юрико*. Барутокай-но хотори-ни тэ. Букан-но цума-но дайтоа сэнсо = На берегах Балтийского моря. Война в Великой Восточной Азии жены военного атташе. Токио: Кёдо цусинся, 1985. 262 с.; *Окабэ, Нобуру*. Тёхо-но камисама то ёбарэта отоко: Рэнгоку га осорэта дзёхо сикан Онодэра Макото-но рюги = Его называли богом разведки: Особый стиль офицера разведки Онодэра Макото, которого боялись союзники. Токио: PHP кэнкюдзё, 2014. 378 с.; *Inaba, Chiharu*. Japanese Intelligence Operations in Scandinavia during World War II: Cryptographic cooperation with the Finns and Onodera's activities in Sweden // *Scandinavian Journal of History*. Vol. 33. No. 2. June 2008. P. 122–138.

³⁶ *Masunaga, Shingo*. In Search of New Facts: Interwar Japanese Intelligence Activities in the Baltic States and Finland: 1918–1940. Doctoral Dissertation. University of Turku: Center for East Asian Studies, 2021. 252 p.; *Его же*. Facts clarified?: The Interwar

чества рассмотрена в трудах Судзуки Кэндзи и Тадзима Нобуо³⁷. В то же время взаимодействие японской военной разведки с абвером по вопросам использования кавказской эмиграции против СССР нашло отражение в исследованиях профессора Куромия Хироаки, активно цитирующего в своих работах ранее не опубликованные документы из архивов США, Германии, Польши, Грузии и Японии³⁸.

Вопросы влияния информации разведывательных органов армии на военное планирование Японии и выработку ею внешнеполитического курса в отношении СССР нашли отражение в изданной военно-исторической службой Управления национальной обороны Японии «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии», отдельные тома которой посвящены деятельности японских военных миссий (ЯВМ) Квантунской армии и Разведуправления Генерального штаба на советском направлении в 1922–1945 гг.³⁹

Отдельные сведения о структуре и этапах развития японской разведки помещены в «Полной энциклопедии японской армии и флота». В ней, как и в «Общем обзоре личных дел генералов и адмиралов японской армии и флота. Раздел „Сухопутные войска“» и в «Энциклопедии генералов японской императорской армии», приведены подробные биографические данные сотрудников японской разведки⁴⁰.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что, несмотря на наличие в отечественной и зарубежной исторической науке исследований о деятельности разведывательных органов японской армии против СССР, период с 1922 по 1945 г. изучен недостаточно полно и нуждается в специальном рассмотрении.

Поэтому выносимая на суд читателей книга представляет собой первое в нашей стране комплексное исследование по истории деятельности органов военной разведки Японии против Советского Союза во второй четверти XX в., написанное в сопоставлении российских, английских, американских, польских и японских первоисточников.

Estonian – German – Japanese Intelligence Cooperation // Acta Historica Tallinnensia. 2019. № 25. P. 90—105.

³⁷ Судзуки, Кэндзи. Тюдоку тайси Осима Хироси = Посол в Германии Осима Хироси. Токио: Фую сёбо, 1979. 290 с.; Тадзима, Нобуо. Натидзуму кёкуто сэнрюку: нитидоку бокё кётэй-о мэгуру тэхосэн = Нацистская стратегия на Дальнем Востоке: разведывательная война в связи с японо-германским Антикоминтерновским пактом. Токио: Коданся, 1997. 254 с.; *Ego же*. Нихон рикугун-но тайсо боряку = Подрывные операции японской армии против Советского Союза. Токио: Ёсикава Кобункан, 2018. 216 с.; *Tajima, Nobuo*. The Berlin – Tokyo Axis reconsiders: from the Anti-Comintern Pact to the plot of assassinate Stalin // Japanese – German relations, 1895–1945: war, diplomacy and public opinion. Routledge: Taylor & Francis Group, 2006. P. 161–179.

³⁸ *Kuromiya, Hiroaki*. The voices of the dead: Stalin's great terror in the 1930s. New Heaven: Yale University Press, 2007. 295 p.; *Ibid*. Stalin, Japan, and the Struggle for Supremacy over China, 1894–1945. Routledge: 2022. 542 p.; *Kuromiya, Hiroaki, Mamoulia, Georges*. Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasian-Japanese Nexus, 1904–1945 // Europe-Asia Studies. Vol. 61. No. 8. October 2009. P. 1415–1440.

³⁹ Дайтоа сэно кокан сэнси = Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Токио: Асагумо симбунся, 1966–1980: Т. 8. Дайхонъэй рикугумбу. 1. Сёва 15 нэн 5 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 1. События до мая 1940 г.; Т. 20. Дайхонъэй рикугумбу. 2. Сёва 16 нэн 12 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 2. События до декабря 1941 г.; Т. 21. Хокуто хомэн рикугун сакусэн. 1. Аццу-но гёкусай = Военные операции сухопутных войск на северо-восточном направлении. 1. Смертельная битва за Атту; Т. 27. Кантогун 1. Тайсо сэмби. Номонхан дзикэн = Квантунская армия. 1. Военные приготовления против СССР. Номонханский инцидент; Т. 35. Дайхонъэй рикугумбу. 3. Сёва 17 нэн 4 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 3. События до апреля 1942 г.; Т. 44. Хокуто хомэн рикугун сакусэн. 2. Тисима, Карафутто, Хоккайдо-но бозэй = Военные операции сухопутных войск на северо-восточном направлении. 2. Оборона Курильских островов, Южного Сахалина и Хоккайдо; Т. 59. Дайхонъэй рикугумбу. 4. Сёва 17 нэн 8 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 4. События до августа 1942 г.; Т. 63. Дайхонъэй рикугумбу. 5. Сёва 17 нэн 12 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 5. События до декабря 1942 г.; Т. 66. Дайхонъэй рикугумбу. 6. Сёва 18 нэн 6 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 6. События до июня 1943 г.; Т. 73. Кантогун. 2. Кантокуэн, сусэндзи-но тайсосэн = Квантунская армия. 2. Особые манёвры Квантунской армии, война с Советским Союзом в конце войны; Т. 82. Дайхонъэй рикугумбу. 10. Сёва 20 нэн 8 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 10. События до августа 1945 г.

⁴⁰ Нихон рикукэйгун сого дзитэн = Полная энциклопедия японской армии и флота. Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1991. 740 с.; Рикукэйгун сёкан дзиндзи соран рикугун хэн = Общий обзор личных дел генералов и адмиралов японской армии и флота. Раздел «Сухопутные войска». Токио: Фую сёбо, 1981. 353 с.; *Фукугава, Хидэки*. Нихон рикугун сёкан дзитэн = Энциклопедия генералов японской императорской армии. Токио: Фую сёбо, 2001. 818 с.

Хронологические рамки работы охватывают период с октября 1922 г. по сентябрь 1945 г. Нижний рубеж связан с выводом Владивостокской экспедиционной армии с территории советского Дальнего Востока и началом функционирования сети японских военных миссий в Северной Маньчжурии. Капитуляция Вооружённых сил Японии в сентябре 1945 г. в результате поражения в войне с СССР обусловила верхнюю границу исследования. В ряде случаев верхняя и нижняя границы сдвигаются, что вызвано необходимостью проследить отдельные аспекты деятельности органов военной разведки Японии против нашей страны.

Территориальные рамки книги охватывают Советский Союз, Японию, Северную Маньчжурию, Китай, Корею, Монголию, Ближний Восток и Европу.

При подготовке исследования автором было использовано большое количество разнообразных источников, главным образом опубликованных материалов и ранее не вводившихся в научный оборот архивных документов на русском, украинском, английском, немецком, польском и японском языках.

Изданные источники можно разделить на три категории: международные договоры и материалы судебных процессов, сборники исторических документов и мемуарная литература.

К *первой категории* относятся сборники российско-японских и советско-японских дипломатических соглашений, материалы Токийского международного трибунала по делу японских военных преступников⁴¹.

Во *вторую категорию* попали сборники рассекреченных архивных документов, содержащие ведомственную переписку разведывательных органов японской и немецкой армий, их справочники по Вооружённым силам СССР, оперативные материалы советских органов госбезопасности и следственные дела арестованных японских агентов, которые раскрывают направления, формы и результаты работы военной разведки против нашей страны. Большую ценность представляют опубликованные документы о ходе реформы в Красной армии (РККА) в 1923–1928 гг., сборники приказов Наркомата обороны, Ставки Верховного главнокомандования и Генерального штаба за 1941–1945 гг., справочные издания о боевом составе советских Вооружённых сил в 1941–1945 гг., поскольку они позволяют сопоставить добытые японской разведкой материалы о военном потенциале СССР и оценить степень их достоверности⁴².

⁴¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3: 1 января – 31 декабря 1945 г. М.: Госполитиздат, 1947. 791 с.; Документы внешней политики СССР. Т. 8. 1 января – 31 декабря 1925 г. М.: Госполитиздат, 1963. 864 с.; Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2 (2) 2 марта – 22 июня 1941 г. М.: Международные отношения, 1998. 448 с.; Documents on the Tokyo International Military Tribunal: Charter, Indictment and Judgments. Oxford, New York: Oxford University Press, 2008. 1470 p.

⁴² Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. 912 с.; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. 736 с.; Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБГУКР Смерш. 1939 – март 1946 г. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М.: МФД; Материк, 2006. 636 с.; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов: В 10 т. Т. 10 (1932–1934 гг.). Ч. 3. М.: ИРИ РАН, 2017. 608 с.; *Мозохин О.Б.* Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ НКВД – МГБ (1918–1953 гг.). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 448 с.; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1–2. М.: АО «Книга и бизнес», 1995; Т. 2. Кн. 1–2. М.: Русь, 2000; Т. 3. Кн. 1–2. М.: Русь, 2003; Т. 4. Кн. 1–2. М.: Русь, 2008; Т. 5. Кн. 1–2. М.: Кучково поле, 2007; Т. 6. М.: Ассоциация «Военная книга», Кучково поле, 2014; Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией: Сборник документов. М.: Фонд «Связь эпох», Кучково поле, 2020. 824 с.; Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945 гг.): Сборник документов. Южно-Сахалинск: Б/и, 1994. 143 с.; Записка КПК и Отдела административных органов ЦК КПСС о нарушении социалистической законности в 1941–1949 гг. в Хабаровском крае // Источник. 1993. № 1. С. 74–78; Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: В 2 кн. Кн. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 720 с.; Русский архив: Великая Отечественная война: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: ТЕРРА, 1996. 624 с.; Русский архив: Великая Отечественная война: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. 368 с.; Русский архив: Великая Отечественная война. Советско-японская война. 18 (7–1). Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: Документы и материалы в 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. 431 с.; Русский архив: Великая Отечественная война. Советско-японская война. 18 (7–2). Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: Документы и материалы: В 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. 440 с.; Боевой состав Советской Армии. Ч. I–V. М.:

В монографии также использованы 12-томный труд «История Второй мировой войны 1939–1945», в котором на основе доступных ко времени его издания материалов дан общий анализ внутренней и внешней политики Японии накануне и в годы войны, и изданное в 2011–2015 гг. 12-томное исследование «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»⁴³.

Третья категория представлена мемуарной литературой, авторами которой являются военачальники Советской армии, сотрудники советских органов государственной безопасности, немецкой и японской военных разведок. Среди них – мемуары маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, В.И. Чуйкова, генерала армии С.М. Штеменко, начальника германской внешней разведки Вальтера Шелленберга, сотрудников японских разведывательных органов Савада Сигэру, Хигути Киитиро, Харада Токити, Сисикура Дзюро, Оги Садао, Хори Эйдо и сборник воспоминаний о начальнике ИРУ генерал-лейтенанте Дои Акио. При всей субъективности данного вида источников он существенно дополняет общую картину деятельности разведорганов Генерального штаба Японии в описываемый период⁴⁴.

Архивную базу книги составили три группы материалов Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Государственного архива Хабаровского края⁴⁵.

Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1963–1990; The «Magic» background of Pearl Harbor. Volume I–V. Washington: Department of Defense of the United States of America, 1977–1978; Das Amt Ausland/Abwehr im Oberkommando der Wehrmacht. Eine Dokumentation. Koblenz: Bundesarchiv, 2007. 606 с.; Тайсо дзэхосэн сирё = Материалы разведывательной войны против СССР: В 4 т. Токио: Хигаси сюппан, 1999; Кин-дай кокубо ёри митару сорэмпо. Сёва 9 нэн = Советский Союз с точки зрения нынешнего состояния национальной обороны. 1934 год. Токио: Рикугунсё гундзи тэсабу, 1934. 54 с.; Сайкин тэйкоку оёби рэккоку-но рикугун. Сёва 6 нэмпан. Рикугунсё = Нынешнее состояние сухопутных войск империи и ведущих стран мира. Издание 1931 г. Военное министерство Японии. Токио: Рикугунсё, 1931. 128 с.; Сайкин тэйкоку оёби рэккоку-но рикугун. Сёва 7 нэмпан. Рикугунсё = Нынешнее состояние сухопутных войск империи и ведущих стран мира. Издание 1932 г. Военное министерство Японии. Токио: Рикугунсё, 1932. 135 с.; Тэйкоку оёби рэккоку-но рикугун. Сёва 10 нэмпан. Рикугунсё = Сухопутные войска империи и ведущих стран мира. Издание 1935 г. Военное министерство Японии. Токио: Рикугунсё, 1935. 169 с.; Тэйкоку оёби рэккоку-но рикугун. Сёва 12 нэмпан. Рикугунсё = Сухопутные войска империи и ведущих стран мира. Издание 1937 г. Военное министерство Японии. Токио: Найкаку инсацукёку, 1937. 187 с.; Тэйкоку оёби рэккоку-но рикугун. Сёва 13 нэмпан. Рикугунсё = Сухопутные войска империи и ведущих стран мира. Издание 1938 г. Военное министерство Японии. Токио: Найкаку инсацукёку, 1938. 196 с.; Тэйкоку оёби рэккоку-но рикугун. Сёва 14 нэмпан. Рикугунсё = Сухопутные войска империи и ведущих стран мира. Издание 1939 г. Военное министерство Японии. Токио: Найкаку инсацукёку, 1939. 230 с.; Тэйкоку оёби рэккоку-но рикугун. Сёва 15 нэмпан. Рикугунсё = Сухопутные войска империи и ведущих стран мира. Издание 1940 г. Военное министерство Японии. Токио: Найкаку инсацукёку, 1940. 255 с.

⁴³ История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1973–1982; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М.: Кучково поле, 2011–2015.

⁴⁴ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АПН, 1988. 303 с.; *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. 252 с.; *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1975. 486 с.; *Кривицкий В.Г.* «Я был агентом Сталина»: Записки сов. разведчика // Пер. с англ. М.: «Терра – Terra», 1991. 365 с.; *Толмока, Садатоси.* Политическая стратегия Японии до начала войны: Монография // Пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 416 с.; *Шелленберг В.* Мемуары // Пер. с нем. М.: Прометей, 1991. 352 с.; *Арисуэ, Сэйдо.* Кайкороку. Мемуары. Токио: Фуё сёбо, 1974. 538 с.; *Хигути, Киитиро.* Ащу Кисука гунсэйрэйкан-но кайсороку = Размышления командующего армией Атту и Кыска. Токио: Фуё сёбо, 1971. 429 с.; *Савада, Сигэру. Морисима, Тосио.* Самбо дзитэ Савада Сигэру кайсороку = Воспоминания заместителя начальника Генерального штаба Савада Сигэру. Токио: Фуё сёбо, 1982. 326 с.; *Харада, Токити.* Кадзэ то кумо то сайго-но тёхо сёко = Ветер, облака и последний офицер разведки. Токио: Дзию кокуминся, 1973. 297 с.; *Сисикура, Дзюро.* Кантогун сам-бобу = Штаб Квантунской армии. Токио: РНР кэнкюдзё, 1985. 205 с.; *Оги, Садао.* Цундора-но они. Карафутто химицусэн. Накано тёхо сёконо сюки = Дьяволы тундры. Тайная война на Южном Сахалине. Воспоминания офицера разведки из школы Накано. Токио: Сикабан, 1974. 105 с.; *Хори, Эйдо.* Дайхонъэй самбо-но дзёхо сэнки = Боевая летопись разведывательной деятельности штаба Императорской верховной ставки. Токио: Бунгэй сундзю, 1989. 285 с.; *Japanese Special Studies on Manchuria. Volume XIII: Study of Strategical and Tactical Peculiarities of Far Eastern Russia and Soviet Far East Forces.* Tokyo: Military History Section Headquarters, Army Forces Far East, 1955. 132 p.; Итигундзин юоку-но сёгай: рикугун тюдзё Дои Акио дэн = Вся жизнь – службе Родине: биографический очерк о генерал-лейтенанте Дои Акио. Токио: Хара сёбо, 1980. 313 с.

⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р9401сч (Секретариат НКВД – МВД СССР); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17 (Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)), фонд 76 (Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926)), фонд 372 (Дальневосточное бюро ЦК РКП(б)), фонд 558 (Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953)), фонд 644 (Государственный комитет обороны СССР); Российский государственный военный архив (РГВА). Фонд 4 (Управление делами при народном комиссаре обороны СССР), фонд 29 (Главное

В *первую группу* вошли изъятые агентурным путём, дешифрованные советскими криптоаналитиками и захваченные в ходе советско-японской войны оперативными группами госбезопасности и частями Красной армии служебные документы органов военной разведки Японии.

Вторую группу составили материалы оперативных дел, разведывательные и контрразведывательные сводки, справки, сообщения органов Государственного политического управления (ГПУ) – Министерства государственной безопасности (МГБ) и военной контрразведки, раскрывающие деятельность японской военной разведки на советском направлении и ответные шаги советских спецслужб.

К *третьей группе* относятся архивные документы о численности, дислокации, вооружении и организационно-штатных изменениях Красной армии в 1922–1945 гг., которые позволяют установить степень достоверности собранной военной разведкой Японии информации о советском военном потенциале, а также аналитические материалы Разведывательного управления РККА с оценкой данных японских спец-органов о СССР.

Кроме того, в книге использованы три группы материалов на японском языке, находящиеся на постоянном хранении в архиве Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны, архиве Министерства иностранных дел и Национальном архиве Японии.

К *первой группе* относятся императорские указы, нормативно-правовые акты Кабинета министров, Императорской верховной ставки, Военного министерства, Генштаба, определявшие японскую внешнюю политику на советском направлении, регулировавшие деятельность разведывательных органов армии и флота, планирующая и финансовая документация различных ведомств⁴⁶.

Во *вторую группу* попали доклады военных атташе и резидентов Генштаба в Советском Союзе, странах Европы и Ближнего Востока, донесения разведывательных органов соединений и объединений сухопутных войск (СВ) на Североманьчжурском, Южносахалинском и Корейском театрах военных действий (ТВД), служебная переписка МИД и Военного министерства по различным вопросам оперативного взаимодействия, справочные материалы Разведуправления, воспоминания руководителей советского направления. Анализ этих документов позволяет оценить основные формы и направления деятельности японской военной разведки против СССР в 1922–1945 гг., рассмотреть влияние разведывательной информации на принятие решений руководством Японии⁴⁷.

управление Военно-воздушных сил Красной армии), фонд 32113 (Управление 1-й армейской группы), фонд 33987 (Секретариат Председателя Революционного военного совета СССР), фонд 37967 (Разведывательное управление Красной армии), фонд 39507 (Штаб Приамурского военного округа), фонд 40442 (Организационное управление Генерального штаба РККА); Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Фонд 210 (Забайкальский фронт), фонд 234 (Дальневосточный фронт), фонд 238 (2-й Дальневосточный фронт), фонд 294 (Управление 1-й Краснознамённой армии 1-го Дальневосточного фронта), фонд 478 (Управление 10-й воздушной армии), фонд 500 (Коллекция документов трофейного фонда); Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Фонд И-16 (Жандармско-полицейские управления).

⁴⁶ Национальный архив Японии. Фонд «Кабинет министров». Опись «Отдельные официальные записи. Извлечения из нормативных документов Военного министерства. 1868–1875 гг.»; Архив НИИО МНО Японии. Фонд «Собрание документов Военного министерства». Описи «Секретный большой дневник», «Секретный военный большой дневник»; Фонд «Исторические материалы секции сухопутных войск». Описи «Военные кампании», «Центральные органы», «Библиотека Миядзак»; Архив МИД Японии. Фонд «1. Политика». Опись «6. Внутренняя политика иностранных государств»; Фонд «5. Военные дела». Опись «1. Национальная оборона»; Фонд «А. Политика, дипломатия». Опись «1. Внешняя политика империи»; Фонд «М. Государственный аппарат, государственная служба». Опись «2. Государственная служба».

⁴⁷ Национальный архив Японии. Фонд «Кабинет министров». Опись «Дела о награждении»; Архив НИИО МНО Японии. Фонд «Собрание документов Военного министерства». Описи «Третий большой дневник», «Большой дневник. Серия А», «Большой дневник. Серия Б», «Секретный большой дневник событий в Сибири», «Корейский инцидент», «Лига Наций. Вашингтонская конференция. Документы о сокращении вооружений», «Совершенно секретные и секретные документы сухопутных войск по Маньчжурии», «Совершенно секретные и секретные документы сухопутных войск по Китаю»; Фонд «Исторические материалы секции сухопутных войск». Описи «Китай. Справочные материалы», «Маньчжурия», «Армейская авиация»; Фонд «Исторические материалы секции военно-морского флота». Опись «Разное»; Архив МИД Японии. Фонд «1. Политика». Описи «2. Дипломатия различных стран», «4. Труд и социальные проблемы», «6. Внутренняя политика иностран-

Третью группу составили материалы Токийского международного трибунала по делу японских военных преступников из фондов Национального архива Японии, содержащие оригиналы и копии документов разведорганов армии, показания участников судебного разбирательства – бывших агентов и сотрудников военной разведки, а также подготовленные советской стороной обвинения справочные данные о Вооружённых силах и спецслужбах Японии⁴⁸.

Значительный пласт документов о сотрудничестве органов военной разведки Японии и Польши в 1918–1939 гг. выявлен в описи I.303.4 Oddział II («2-й отдел польского Генерального штаба») фонда «Архивные материалы за 1908–1939 гг.» Центрального военного архива (Centrale Archiwum Wojskowe) Республики Польша⁴⁹.

Большой объём материалов по теме исследования хранится в Национальном архиве США (National Archives and Records Administration). В фондах «Управление стратегических служб» (Record Group 226), «Центральное разведывательное управление» (Record Group 263) и «Штаб-квартира Дальневосточного командования Главкомандующего союзными оккупационными войсками и войсками ООН» (Record Group 554) осели протоколы допросов бывших сотрудников японской военной разведки, действовавших против СССР, справочные материалы о разведывательной деятельности Генерального штаба Японии в Европе и на Ближнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны. В фонде «Коллекция иностранных документов трофейного фонда» (Record Group 242) хранится переписка периода Великой Отечественной войны отдела атташе Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) с немецким военным атташе в Токио по вопросам разведывательного сотрудничества и справочные материалы отдела «Иностранные армии – Восток» ОКХ о советском военном потенциале, составленные на основе данных японской военной разведки⁵⁰.

При написании книги был также использован фонд «Служба безопасности: Персональные файлы» (KV 2 (The Security Service: Personal (PF Series) Files)) Национального архива Великобритании (The National Archives), проливающий свет на контакты японской военной разведки с белоэмигрантскими организациями и сотрудничество разведорганов стран оси в Иране⁵¹.

Все даты приводятся по григорианскому календарю (новому стилю). Современные названия населённых пунктов указаны в скобках.

Автор благодарит за помощь родителей, д. и. н. Ю.С. Пестушко, д. и. н. Д.В. Лихарева, д. и. н. С.В. Смирнова, к. и. н. С.В. Тужилина, к. и. н. А.И. Гореликова, к. и. н. А.В. Полутова, В.Г. Зорихина, В.В. Овсянникова, А.С. Колесникова, С.А. Куртинца, доктора наук Здзислава Капера, А.А. Кириченко, М.М. Зензину.

ных государств»; Фонд «3. Торговля». Описи «2. Внешняя торговля», «6. Транспорт и связь»; Фонд «5. Военные дела». Опись «1. Национальная оборона»; Фонд «6. Кадровые вопросы». Опись «1. Государственный аппарат, государственная служба»; Фонд «А. Политика, дипломатия». Описи «1. Внешняя политика империи», «2. Дипломатия иностранных государств», «3. Пропаганда», «6. Внутренняя политика иностранных государств», «7. Войны»; Фонд «В. Договоры, конвенции, международные конференции». Опись «1. Политические и особые договоры и конвенции»; Фонд «F. Транспорт, связь». Опись «1. Транспорт»; Фонд «G. Города, порты, общественные работы, строительство, участки земли, здания». Опись «1. Города, порты»; Фонд «M. Государственный аппарат, государственная служба». Описи «1. Государственный аппарат», «2. Государственная служба»; Фонд «Протоколы Министерства иностранных дел». Описи «1-й отдел Бюро Европы и Америки», «3-й отдел Политического бюро».

⁴⁸ Национальный архив Японии. Фонд «Министерство юстиции». Опись «Военные преступники. Материалы суда по военным преступлениям. Записи международного военного трибунала по Дальнему Востоку для преступников класса А».

⁴⁹ Centrale Archiwum Wojskowe (CAW). I.303.4 Oddział II.

⁵⁰ The National Archives and Records Administration. Record Group 226 (Records of the Office of Strategic Services 1940–1946). Entry 19; Record Group 242 (National Archives Collection of Foreign Records Seized). T-78; Record Group 263 (Records of Central Intelligence Agency). Entry ZZ-17; Record Group 554 (Records of General Headquarters, Far East Command, Supreme Commander Allied Powers, and United Nations Command). Entry A1.

⁵¹ The National Archives. KV 2 (The Security Services: Personal (PF Series) Files): KV2/1480 «Franz Mayer»; KV2/1591 «Anton Turkul».

Глава 1

Военная разведка Японии против СССР в 1922–1931 гг

§ 1. На пути к компромиссу (1922–1925)

Органы военной разведки появились в японской армии в последней четверти XIX в. в процессе того, как Япония, став крупнейшей региональной державой, в условиях дефицита ресурсов и узости рынков сбыта взяла курс на аннексию Кореи. Являясь частью государственного аппарата, военная разведка действовала в строгом соответствии с внешнеполитической доктриной империи, поэтому не только решала задачи по сбору и анализу информации, но также активно участвовала в комплексных операциях по дестабилизации обстановки в соседних странах.

Первым разведывательным органом японской армии стал образованный в июле 1874 г. 1-й отдел Штабного бюро Военного министерства, который отвечал за ведение агентурной разведки и руководство военными атташе при японских дипломатических миссиях за границей⁵². В течение следующей четверти века структура военной разведки неоднократно менялась, пока в 1899 г. командование Вооружённых сил (ВС) с помощью немецких советников не развернуло в аппарате Генштаба 1-е и 2-е управления, наделённые функциями оперативного планирования и сбора разведывательной информации на Европейском и Азиатском театрах военных действий. Разведкой в России занималось соответствующее отделение 1-го управления. Ему подчинялись все легальные резидентуры под прикрытием военных атташатов в Европе, а также разведывательные органы в Благовещенске, Владивостоке и Харбине. В то же время значительная часть легальных резидентур Генерального штаба, организованных вокруг русских военных объектов в Китае и Корее, замыкалась на 2-м управлении⁵³.

Совместными усилиями обеих ветвей военной разведки к началу Русско-японской войны Верховное командование ВС Японии располагало исчерпывающей информацией о численности, вооружении, дислокации и мобилизационных возможностях русской армии на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, состоянии транспортной сети и особенностях топографии регионов. В ходе боевых действий органы военной разведки регулярно снабжали Императорскую верховную ставку и Маньчжурскую армию достаточно точными сведениями о противнике, поэтому информация о непрерывном наращивании русских резервов в Маньчжурии стала одной из причин принятия японским правительством решения о приостановке боевых действий и начале мирных переговоров с Россией в 1905 г.

Ненужный параллелизм в работе военной разведки был устранён в ходе реформы Генерального штаба в декабре 1908 г. Все нити по сбору и анализу информации сосредоточились во 2-м управлении, которое стало включать два отдела – 4-й, отвечавший за сбор и обработку зарубежной информации, и 5-й, занимавшийся топографической разведкой, сбором и систематизацией военных карт. Разведка против России велась соответствующим отделением 4-го отдела⁵⁴.

---

⁵² Национальный архив Японии. Бэцу-00188100 (A03023144200).

⁵³ *Арига, Цутао*. Нихон рикукэйгун-но дзёхо кико то соно кацудо = Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность. Токио: Киндай Бунгэйся, 1994. С. 40.

⁵⁴ Там же. С. 48.

3 мая 1916 г. Генштаб отказался от прежнего деления аппарата разведки по линейному признаку и перевёл его на новую организационно-штатную структуру, включавшую 40 сотрудников:

Начальник

4-й отдел (западный):

1-е отделение (Россия),

2-е отделение (Европа и США),

5-й отдел (китайский):

3-е отделение (Китай),

4-е отделение (военная топография)⁵⁵.

10 августа 1920 г., в связи с организацией в составе Генерального штаба нескольких новых подразделений, западный и китайский отделы получили «5-й» и «6-й» номера соответственно. Согласно положению об органах военной разведки, 5-й отдел занимался изучением военного потенциала, экономики, внешней политики, военной топографии, природных и материальных ресурсов всех стран, кроме Китая, а также сбором необходимой для оперативного планирования информации. Аналогичные задачи по Китаю и Японии решал 6-й отдел, дополнительно отвечавший за координацию военно-топографических исследований всех подразделений Генштаба⁵⁶.

К 10 октября 1924 г., согласно «Таблице распределения командного состава Генерального штаба», центральный аппарат военной разведки имел следующую организацию:

Начальник

5-й отдел (западный):

1-е отделение (Россия),

2-е отделение (Великобритания),

3-е отделение (США),

4-е отделение (Германия),

5-е отделение (Франция),

6-й отдел (китайский):

6-е отделение (китайское),

7-е отделение (топографическое)⁵⁷.

В следующем году в составе западного отдела остались 4 отделения – 1-е (США), 2-е (Россия), 3-е (Европа) и вновь образованное 4-е, отвечавшее за анализ и оценку разведывательной информации. До 1932 г. в русском отделении имелось 3–4 оперативных сотрудника, 2–4 стажёра и 1–2 состоявших в его распоряжении офицера, которые готовились к выезду или уже находились за рубежом. В таком виде центральный аппарат Разведуправления просуществовал до 1936 г., после чего русское отделение было развёрнуто в самостоятельный советский отдел⁵⁸.

Таблица 1

Динамика численности центрального аппарата 2-го управления Генерального штаба Японии в 1920–1931 гг.⁵⁹

⁵⁵ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо сонота-17 (С15120056500). Л. 2024–2025.

⁵⁶ Там же. Тюо-сакусэн сидо сонота-20 (С15120060700). Л. 0915.

⁵⁷ *Арига, Цутао*. Указ. соч. С. 49.

⁵⁸ *Нихон рикюкайгун сого дзитэн* = Полная энциклопедия японской армии и флота. Токио: Токио дайгаку сюпанкай, 1991. С. 302–303, 480.

⁵⁹ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо сонота-20 (С15120060700); (С15120060900); (С15120062100); (С15120062200); (С15120063200); Тюо-сакусэн сидо сонота-21 (С15120063600); (С15120063900); (С15120064300); Тюо-сакусэн сидо сонота-22 (С15120064900); (С15120065300); (С15120065700).

Дата	Начальник РУ ГШ	Западный отдел	Китайский отдел	Состоящие в распоряжении	Стажёры	Итого
10.08.1920	1	20	13	0	12	46
1.04.1921	1	21	14	1	11	48
30.06.1922	1	23	17	3	6	50
30.06.1923	1	25	15	4	14	59

Дата	Начальник РУ ГШ	Западный отдел	Китайский отдел	Состоящие в распоряжении	Стажёры	Итого
30.06.1924	1	24	14	8	14	61
30.06.1925	1	19	13	3	13	49
30.06.1926	1	18	12	4	23	58
30.06.1927	1	19	12	4	24	60
30.06.1928	1	15	11	7	18	52
30.06.1929	1	16	10	4	14	45
30.06.1930	1	14	10	5	14	44
30.05.1931	1	17	13	1	14	46

Существенным недостатком в организации центрального аппарата военной разведки являлось отсутствие в западном отделе топографического отделения, что не позволяло ему оперативно накапливать и обрабатывать материалы о географии, природных ресурсах, транспортной инфраструктуре Северной Маньчжурии и советского Дальнего Востока, в результате чего планы войны против СССР в 1923–1927 гг. носили размытый характер⁶⁰.

Кроме того, поскольку в структуре военной разведки отсутствовало специальное подразделение, отвечавшее за разработку и производство оперативной техники, эти задачи решались образованным в апреле 1919 г. Научно-исследовательским институтом Военно-технического управления (НИИ ВТУ) сухопутных войск. В сентябре 1939 г. в составе института было учреждено «отделение Ноборито», занимавшееся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (НИОКР) в области оперативной техники, радиоперехвата, агентурной радиосвязи и диверсионных средств. Приказом военного министра от 14 июня 1941 г. институт был расформирован, а «отделение Ноборито» преобразовано в 9-й НИИ ВТУ.

Анализ сохранившихся документов центральных органов военного управления империи свидетельствует, что основными задачами 2-го управления в 1922–1945 гг. являлись: своевременное информирование руководства страны о военных приготовлениях вероятных противников и их замыслах в отношении Японии; о состоянии Вооружённых сил иностранных государств в целом, их мобилизационных, оперативных планах, готовности экономики к ведению войны; о развитии оперативно-стратегического искусства, новых тенденциях в организации и строительстве армии, разработке перспективных образцов вооружения, военной и специальной техники; обеспечение командований всех уровней информацией, необходимой для успешного ведения боевых действий; подготовка сил и средств специальной разведки для проведения диверсионных операций в тылу противника в особый период и в ходе войны.

⁶⁰ Дайтоа сэно кокан сэнси. Дай 27. Кантогун. 1. Тайсо сэмби. Номонхан дзикэн = Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 27. Квантунская армия. 1. Военные приготовления против СССР. Номонханский инцидент. Токио: Асагумо симбунся, 1969. С. 64–65, 95.

Перечень приоритетных задач военной разведки, объём выделяемых ей денежных средств и методы разведывательной деятельности определялись текущей военно-политической обстановкой, состоянием отношений Японии с ведущими мировыми державами и долгосрочными планами Токио по укреплению своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этой связи разведывательная деятельность японской армии против нашей страны в первой четверти XX в. характеризовалась частой сменой приоритетов.

Так, несмотря на принятие в 1907 г. «Курса национальной обороны империи», провозгласившего её главным противником на суше Россию, в межвоенный период японское правительство постепенно нормализовало отношения с Петербургом, закрепив этот курс рядом секретных соглашений о разделении сфер влияния в Маньчжурии, Монголии и Корее.

Поэтому в 1906–1916 гг. японские разведорганы действовали против России в основном с легальных позиций, используя для прикрытия вакансии в дипломатических миссиях или официальные должности офицеров-стажёров. На Дальнем Востоке японская разведка располагала небольшим, но квалифицированным агентурным аппаратом из числа возвратившихся в Россию после войны японских мигрантов и осевших в Маньчжурии агентов-китайцев и корейцев. Ключевую роль в агентурной сети Генштаба играли главы японских колоний в Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Никольск-Уссурийском (Уссурийске), Имане (Дальнереченске), Иркутске, Маньчжоули и Хайларе, в руках которых концентрировались сообщения от всех проживавших на данной территории японцев, не подозревавших об истинном получателе информации.

Однако после победы Октябрьской революции в 1917 г. и выхода из войны Советской России, заявившей об отказе выплачивать царские долги за японское вооружение, Токио взял курс на аннексию советского Дальнего Востока, возложив на органы военной разведки задачи по сбору необходимой для высадки войск информации и сближению с антисоветскими элементами для их последующего использования в реализации плана создания так называемой «автономной Сибири». Зимой 1917/18 г. Военное министерство командировало на Дальний Восток, в Забайкалье, Сибирь, Внешнюю Монголию, Северную Маньчжурию и Синьцзян 20 офицеров Генерального штаба во главе с начальником 2-го управления генерал-майором Накадзима Масатакэ⁶¹.

Благодаря активной работе всех звеньев военной разведки во второй половине 1918 г. японская армия захватила советский Дальний Восток, Забайкалье и Северную Маньчжурию. Для руководства марионеточными режимами и сбора информации Генштаб развернул там в начале 1919 г. сеть так называемых «японских военных миссий», которые наряду с разведывательной, пропагандистской и подрывной работой выполняли функции официальных дипломатических представительств и при необходимости заменяли японские посольства в стране пребывания. В своей деятельности миссии опирались на агентуру в высших эшелонах белых правительств, многочисленную колонию японских мигрантов и проживавших в России корейцев и китайцев⁶².

Провал интервенции и вывод войск с советского Дальнего Востока осенью 1922 г. заставили Кабинет министров Японии взять курс на нормализацию отношений с Советской Россией. К такому шагу Японию подталкивали в первую очередь решения Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., ограничившие её военно-морское присутствие в Мировом океане и ослабившие позиции в Китае. Руководство империи пришло к выводу о необходимости созда-

⁶¹ Полутов А. В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 72–73.

⁶² Архив НИИО МНО Японии. Сэнъэки-Сибэриа сюппэй-38 (С13110209600). Л. 0363–0367; РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 63. Л. 4об.

ния на Дальнем Востоке советско-японского противовеса навязанной Соединёнными Штатами «вашингтонской системе»⁶³.

Активным сторонником нормализации отношений с Россией выступало командование ВМФ Японии, которое традиционно рассматривало США в качестве главного противника империи. Представлявшие флот премьер-министры адмиралы Като Томосабуро (1922–1923) и Ямамото Гомбэ (1923) не только инициировали негласные советско-японские переговоры, но и скорректировали в феврале 1923 г. основополагающий для государства «Курс национальной обороны империи» в сторону избегания конфликта с Советским Союзом, определив первостепенной задачей Вооружённых сил подготовку к возможной войне с США. Авторы «Курса», в частности, констатировали: «Промышленность России после революции находится в упадке, экономика пришла в запустение, поэтому не только истощена мощь государства, но и нет единства внутри страны. Сегодня Россия целенаправленно прилагает усилия для своего возрождения. Восстановление экономики и объединение страны, по-видимому, самые неотложные сейчас для России задачи, не решив которые она не сможет реставрировать государство. Поскольку советское правительство ломает голову над получением международного признания и экономической помощи, следовательно, и в Восточной Азии оно возлагает большие надежды на скорейшее налаживание взаимовыгодного сотрудничества с империей ради нормализации двусторонних контактов. Оценивая перспективы военного столкновения с Россией, похоже, что и сейчас, и в ближайшем будущем состояние её военного потенциала и политическая ситуация не позволят напасть на Японию. Поэтому если политика империи в отношении России будет основана на принципе добрососедства, то вероятность войны между нами крайне невелика. Однако политическая система России и её национальный характер иногда отклоняются от общепринятых норм, и, если в будущем империя вступит в войну с другими державами, наличие у Японии слабого военного потенциала против России может создать с её стороны серьёзную опасность нашим границам»⁶⁴.

Переговоры об установлении дипломатических отношений начались зимой 1923 г. с неофициальных консультаций между бывшим министром иностранных дел Японии Гото Симпэй и советским полпредом в Китае А.А. Иоффе. Согласившись на участие в них, Советский Союз преследовал, прежде всего, политические цели, стремясь добиться от Токио признания легитимности новой власти и освобождения оккупированного японцами в 1920 г. Северного Сахалина. Япония исходила из экономических интересов, в принципе соглашаясь на официальное признание Советского государства и вывод войск с севера острова в обмен на совместную эксплуатацию его природных ресурсов. Спустя год переговорам был придан официальный статус, поскольку Гото вошёл в состав нового кабинета в качестве министра внутренних дел, а с советской стороны к ним подключился нарком иностранных дел Г.В. Чичерин.

Итогом двухлетних переговоров стало подписание 20 января 1925 г. «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией». В основу урегулирования советско-японских отношений легли соглашение о выводе японских войск с Северного Сахалина, признание обеими сторонами Портсмутского мирного договора 1905 г. и предоставление японским подданным угольных, нефтяных и лесных концессий.

В период активного обсуждения двумя странами деталей нормализации отношений органы военной разведки вели сбор необходимой руководству Японии информации о внутренней и внешней политике СССР, мерах советского правительства по поддержке национальных движений в Китае, Корее и Северной Маньчжурии, всячески избегая каких-либо акций, способных дискредитировать позицию Токио на переговорах с Москвой. Агентурные сведения о

⁶³ Sakai, Tetsuya. The Soviet Factors in Japanese Foreign Policy: 1923–1937 // Sapporo, Acta Slavica Iaponica. Tomus VI. 1988. P. 27.

⁶⁴ Ibid. P. 28; Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-3 (С14061002700). Л. 0010–0012.

СССР поступали в Генштаб по каналам органов стратегической и оперативной разведок. Первый уровень представляли легальные резидентуры Генштаба в Германии, Польше и Латвии под прикрытием военных атташатов посольств и дипломатических миссий. На втором уровне оперировали японские военные миссии и разведывательные органы в Северной Маньчжурии, Корее и на Сахалине, подчинявшиеся Квантунской, Корейской и Сахалинской экспедиционной армиям. Вместе с ними сбором информации о советском Дальнем Востоке и Забайкалье занимались генеральное консульство Японии во Владивостоке, японские консульства в Маньчжоули и Цицикаре, полицейские бюро генерал-губернаторств Кореи и Квантунской области, представительство Министерства внутренних дел в Харбине, разведорганы Морского Генерального штаба, действовавшие в тесном контакте с военной разведкой.

Ведущую роль в получении сведений о нашей стране с позиций Европы играл аппарат *военного атташе* при посольстве Японии в России, пребывавший после разрыва советско-японских отношений в августе 1918 г. в Стокгольме, с октября 1919 г. – в Париже, а с ноября 1920 г. – в Берлине. В январе 1923 г. назначение туда получил начальник русского отделения РУ ГШ подполковник Хасимото Тораносукэ, в помощь которому был придан бывший советник атамана Г.М. Семёнова майор Андо Риндзо. Необходимо отметить, что берлинский разведаппарат существовал независимо от военного атташата при японском посольстве в Германии и вплоть до установления дипломатических отношений с СССР в январе 1925 г. занимался исключительно агентурной разведкой против нашей страны, координируя деятельность аналогичных резидентур в Варшаве и Риге. Хотя в январе 1925 г. берлинский разведорган был упразднён с передачей функций военному атташату в СССР, в декабре 1933 г. японский Генштаб возобновил его деятельность, поскольку стал испытывать сложности с ведением разведки непосредственно в Советском Союзе, и начал искать выходы на антисоветские эмигрантские центры в Европе.

Переписка Хасимото с Генштабом за 1923–1924 гг. свидетельствует о его успехах в создании небольшой агентурной сети в СССР и поддержании контактов с эстонской, польской и немецкой разведками, благодаря чему резидентура получала достаточно интересные сведения о Советском Союзе. Например, в феврале 1923 г. Хасимото передал в Токио подготовленное Генштабом Эстонии боевое расписание 5-й Краснознамённой армии на Дальнем Востоке и в Забайкалье, сообщил полученные от агентуры и почерпнутые из советской печати сведения о пропускной способности российских железных дорог, производственных и ремонтных мощностях вагоностроительных заводов, характере железнодорожных перевозок в СССР из Германии и Швеции. В других телеграммах резидент освещал переход Красной армии на территориально-милиционную систему и состояние её ВВС, анализировал мероприятия советского правительства в рамках новой экономической политики, положение дел в промышленности, валютно-финансовой сфере, информировал о контактах Москвы с Германией и Францией, что представляло большой интерес для японского руководства на завершающей стадии переговоров с Иоффе⁶⁵.

Однако возможности Хасимото не были безграничными и не могли в полном объёме удовлетворить потребности Кабинета министров в информации о СССР, поэтому Генеральный штаб компенсировал дефицит данных за счёт кооперации с разведывательными органами Польши, Латвии и Эстонии.

Следует отметить, что первоначально, после обретения независимости в ноябре 1918 г., внимание Польши было сосредоточено на изучении обстановки в европейской части Советской России, а после начала польско-украинской войны (1918–1919) – на событиях в Галиции,

⁶⁵ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.65.002 (В03051360900). Л. 0537–0540; В.3.2.4.45.53.001 (В10073976400). Л. 0122–0124; 1.6.3.24.10.018 (В03051161800). Л. 0237–0240; 1.6.3.24.10.020 (В03051163100). Л. 0196; 1.6.3.24.10.015 (В03051158100). Л. 0378–0379; 5.1.1.0.21.5.001 (В07090036200). Л. 0426–0427.

поэтому основы для установления двусторонних контактов с японской разведкой тогда не имелись. Ситуация изменилась только в январе 1919 г., когда начались первые советско-польские столкновения в Западной Белоруссии и Прибалтике. В разгоравшейся войне с Советской Россией полякам было важно иметь достоверную информацию об обстановке на Дальнем Востоке, её влиянии на события в Европе и возможностях советского командования перебрасывать войска на Польский фронт из разных районов страны⁶⁶.

Точкой отсчёта в сотрудничестве японской военной разведки со 2-м отделом польского Генерального штаба (ПГШ) стало прибытие в июне 1919 г. в Варшаву капитана Ямаваки Масатака. Из-за отсутствия двусторонних дипломатических отношений Ямаваки был аккредитован в качестве наблюдателя в польской армии, однако после официального признания стран друг другом весной 1921 г. стал первым японским военным атташе в Варшаве. Поступавшая к нему от польских коллег информация касалась характера боевых действий советских войск против Добровольческой и польской армий, организации, дислокации и боеготовности Красной армии в европейской части Советского Союза, социально-экономического и политического положения СССР. Эти сведения предоставлялись японцам по личному распоряжению начальника ПГШ, который санкционировал передачу развединформации не только военному атташе, но также стажировавшимся в польской армии капитанам Мураками Кэйсаку (1919–1922) и Касахара Юкио (1922–1925). Непосредственным куратором контактов с японцами выступал глава 2-го отдела⁶⁷.

Информация польской военной разведки обогащала японские знания о Советском Союзе и носила всесторонний характер. Так, в апреле 1922 г. 2-й отдел передал японцам подробный отчёт об организации радиосвязи в Советской России, в ноябре 1922 г. военный атташе в Варшаве майор Окабэ Наосабуро получил справочные материалы о мобилизационном развёртывании Красной армии, а 5 февраля 1925 г. японский Генштаб на основе переданных через Касахара Юкио сведений подготовил для высшего руководства страны доклад «Политическая работа русской армии во фронтовой полосе (пропаганда и военно-административное управление)»⁶⁸. Кроме того, поляки регулярно закупали в Москве через своего военного атташе и передавали японцам советскую военную литературу: только в июне – ноябре 1923 г. ВАТ в СССР подполковник Игнаци Бёрнер выслал Окабэ 50 разных книг и журналов, а в январе 1925 г. закупил для него 9 книг, в том числе «Устав кавалерии», «Военный ежегодник (на 1925 г.)», «Устройство Вооружённых сил СССР», «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. (Часть 2)», «На Висле. К истории кампании 1920 года» Б.М. Шапошникова, «Ночные действия» А.А. Самойло, «Конница: по опыту мировой и гражданской войн» А.Л. Певнева и «Новая организация местного военного управления» М.А. Кульчака⁶⁹.

Со своей стороны, японский военный атташе информировал ПГШ о ситуации на советском Дальнем Востоке, где до 1920 г. находилась 5-я польская Сибирская дивизия. В докладах, датированных маем 1920 г., Ямаваки, в частности, сообщил полякам о ходе переговоров командования Владивостокской экспедиционной армии с Приморской областной земской управой о пребывании японских частей в полосе Уссурийской и Сучанской железных дорог и подробно изложил детали трагедии в Николаевске-на-Амуре⁷⁰.

⁶⁶ *Kurokiya, Hiroaki, PełonUski, Andrzej.* Między Warszawą a Tokio: Polsko-japon“ ska współpraca wywiadowcza 1904–1944. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. S. 47–48.

⁶⁷ Национальный архив Японии. Кун-00679100 (A10113064200). Л. 146.

⁶⁸ Там же. Дзё-00002100 (A03023724400); Архив МИД Японии. В.3.6.11.34 (B12081372700). Л. 0222–0230; Дайтоа сэно кокан сэнси. Дай 27. С. 65.

⁶⁹ *Kurokiya, Hiroaki, PełonUski, Andrzej.* Op. cit. S. 106–107, 500.

⁷⁰ Ibid. S. 74–76.

Для получения достоверных сведений о Красной армии Ямаваки ещё осенью 1919 г. начал выводить маршрутную агентуру в Москву и Харьков⁷¹. После подписания советско-польского мирного договора он побывал в качестве наблюдателя от Японии в Белоруссии и Литве и в начале 1921 г. привлёк к сотрудничеству для организации агентурной сети в Гданьске, Познани, Львове, Ровно, Барановичах и Вильно журналиста В.А. Горвиц-Самойлова, что позволило Ямаваки успешно вывести в том же году агентуру на Украину и в Белоруссию. Хотя он это делал без уведомления поляков, 2-й отдел не препятствовал Ямаваки, получая в обмен информацию о советских войсках: 18 августа 1921 г. атташе передал в ПГШ большой доклад об организации и дислокации Красной армии, который был оценён как достоверный⁷².

После ухода 5-й польской дивизии из Сибири 2-е управление продолжало снабжать своих коллег из Варшавы данными о советском Дальнем Востоке и Забайкалье, поскольку ПГШ до 1925 г. не имел военного атташе при посольстве в Японии и остро нуждался в любой информации о военно-политической обстановке в регионе, справедливо считая, что события на востоке СССР оказывают влияние на развитие ситуации на советско-польской границе⁷³.

Связь японцев с латвийской разведкой в 1924–1926 гг. из-за отсутствия официальных дипломатических отношений поддерживал направленный в Германию в сентябре 1923 г. стажёр русского языка капитан Симидзу Норицунэ⁷⁴. Военное министерство Японии придавало большое значение организации разведки против СССР с территории Латвии, поэтому после посещения Риги в марте 1924 г. майором Андо Риндзо и капитаном Симидзу Норицунэ последний был оставлен в латвийской столице в качестве языкового стажёра, а военное ведомство предложило МИД перевести туда из Берлина аппарат военного атташе в России для его трансформации в разведывательный центр по СССР, однако позднее отказалось от этой идеи из-за отсутствия в Латвии аккредитованного японского посольства⁷⁵.

В целом же, оценивая значение поступавшей от польской и латвийской разведок информации о Советском Союзе, Военное министерство Японии констатировало в декабре 1931 г.: «В тот период, когда у нас не было военного атташе в Москве, разведка против СССР велась главным образом через военные ведомства Польши и Латвии»⁷⁶.

Основы разведывательного сотрудничества между Генеральными штабами Японии и Эстонии были заложены находившимся в Таллине в 1919–1921 гг. помощником военного атташе в России капитаном Комацубара Мититаро. Он прибыл в столицу Эстонии из Стокгольма в начале июня 1919 г., имея на руках рекомендательное письмо от эстонского диппредставительства в Швеции, характеризовавшее его как лицо, которое «по заданию своего правительства едет в Эстонию, чтобы на месте изучить наши условия, армию, её организацию и стойкость». 16 июня 1919 г. начальник эстонского Генерального штаба генерал-майор Йохан Лайдонер приказал органам военной разведки оказать Комацубара содействие и предоставить все необходимые сведения⁷⁷.

Находясь в Таллине, с октября 1919 г. по январь 1920 г. он был офицером связи с Северо-Западной армией генерала Н.Н. Юденича и занимался активной разведывательной работой в России через агентов в Петрограде, Москве, Риге, Копенгагене и в штабе этого объединения,

⁷¹ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.10.007 (B03051148800). Л. 0060; (B03051148900). Л. 0116.

⁷² Там же. 1.6.3.24.10.010 (B03051152300). Л. 0246; *Kuromiya, Hiroaki, PeptonUski, Andrzej*. Op. cit. S. 76–77.

⁷³ *KruszynUski, Marcin*. Stanisław Patek w Japonii. Z działalności ci polskiego poselstwa w Tokio w latach 1921–1926 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Vol. LXI*. Lublin, 2006. S. 153. С октября 1920 г. по ноябрь 1921 г. функции военного атташе Польши в Японии выполнял глава польской военной миссии в Варшаве полковник Павел Александрович.

⁷⁴ Нихон рикукайгун сого дзитэн. С. 71.

⁷⁵ Архив МИД Японии. 6.1.2.76.2 (B15100944400). Л. 0161–0164.

⁷⁶ Национальный архив Японии. Кун-00706100 (A10113096600). Л. 237.

⁷⁷ *Клаассен О.* Формирование антисоветского сотрудничества между империалистической Японией и буржуазной Эстонией (1918–1921) // *Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 785*. Тарту: Типография ТГУ, 1987. С. 107.

а после разгрома белых получал информацию от их нелегальной резидентуры в нашей стране. Кроме того, в июне 1919 г. японский разведчик установил контакт с Генштабом Финляндии⁷⁸.

Благодаря Комацубара в Токио систематически поступали материалы эстонской военной разведки о военно-политической обстановке в Советской России и боеготовности Красной армии. После убийства Комацубара на родину с августа 1921 г. по февраль 1922 г. функции офицера связи с эстонской разведкой временно исполнял военный атташе Японии в России майор Обата Тосиро, а затем контакты с Таллином через Берлин поддерживали его помощники майор Андо Риндзо (1922–1924) и капитан Курасигэ Сюдзо (1924–1925).

Помимо разведпунктов в Европе японский Генштаб располагал легальными резидентурами в Турции и Британской Индии, решавшими задачи по сбору информации о советской Средней Азии, Закавказье, Причерноморье, а также о СССР в целом. В марте 1923 г. вернувшийся в Токио из Дели резидент подполковник Тани Хисао докладывал начальнику Генерального штаба: «Военный резидент в Британской Индии, помимо самой Британской Индии (включая Бирму и Шри-Ланку), собирает информацию о Тибете, Синьцзяне, Афганистане и Иране. При этом чрезвычайно важной задачей для него является ведение агентурной разведки в южной части России во время поездок в Афганистан. Военный резидент в Турции, пребывающий в Стамбуле, отвечает за сбор информации о Турции, Аравии и Кавказе, одновременно, по мере необходимости, выезжая в Иран»⁷⁹.

Стамбульская резидентура действовала изначально как японская военная миссия при командовании Добровольческой армии генерала П.Н. Врангеля, эвакуированной в ноябре 1920 г. из Крыма в Турцию, а с мая 1921 г. – как военный атташат при японской дипломатической миссии в Греции. Её возглавляли сотрудники русского отделения РУ ГШ майоры Такахаши Сутэдзиро (1920–1921), Куваки Такакира (1921–1922) и Савада Сигэру (1922–1925), которые в своей деятельности опирались на помощь французской военной миссии при Добровольческой армии, делившей с ними с ноября 1919 г. по январь 1923 г. информацией о России, Турции, Греции и оказывавшей содействие в налаживании тесных контактов с местными властями⁸⁰. Позднее стамбульская резидентура обзавелась собственными источниками информации, что позволило ей регулярно информировать Генштаб об организационно-штатных мероприятиях в Красной армии, передислокации войск на Украине и Кавказе, советской политике в отношении Югославии и Болгарии, внутривойсковой обстановке в нашей стране. При этом стамбульский разведаппарат играл одну из ведущих ролей в получении сведений о состоянии советских Вооружённых сил в целом, о чём наглядно свидетельствовала телеграмма Савада в ГШ от 23 мая 1923 г., в которой он доложил организационно-штатную структуру стрелковой дивизии на 26 января, проинформировал о произведённой 17 января реорганизации военно-окружной системы в Сибири и Поволжье, сообщил численность личного состава, вооружения и военной техники Красной армии на начало года (650 000 человек в кадровых частях, 150 000 человек в нерегулярных войсках, 230 000[0] винтовок, 14 500 пулемётов, 5700 ручных пулемётов, 3600 орудий и 3 240 000 снарядов к ним). Тем не менее после отъезда Савада в Японию в январе 1925 г. деятельность стамбульской резидентуры была прекращена на 2,5 года⁸¹.

⁷⁸ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.10.006 (В03051147800). Л. 0044; (В03051148200). Л. 0227; 1.6.3.24.10.007 (В03051148800). Л. 0102; 1.6.3.24.10.009 (В03051151000). Л. 0092; (В03051151300). Л. 0252; 1.6.3.24.13.41.001 (В03051322400). Л. 0198; 1.6.3.24.13.67 (В03051365300). Л. 0499–0500.

⁷⁹ Там же. 2.1.1.0.44 (В06150026600). Л. 0129–0130.

⁸⁰ Национальный архив Японии. Кун-00587100 (А10112929700); Кун-00612100 (А10112978000).

⁸¹ Архив МИД Японии. 1.3.3.7.001 (В03041043300). Л. 0375–0377; 1.6.3.2.35 (В03051006500). Л. 0486; 1.6.3.24.10.015 (В03051158200). Л. 0434; 1.6.3.24.13.65.001 (В03051357100). Л. 0346; (В03051357300). Л. 0434; 1.6.3.24.13.64.002 (В03051356500). Л. 0324; 1.6.3.24.13.65.004 (В03051362500). Л. 0164.

На Дальнем Востоке и в Забайкалье агентурной разведкой против СССР занимались армейские объединения сухопутных войск Японии, компактно развёрнутые в 1904–1906 и 1920 гг. в приграничных районах Китая, Кореи и на оккупированной территории Сахалина.

Зона ответственности разведывательных органов *Сахалинской экспедиционной армии*, сформированной и направленной на материк в июле 1920 г. в ответ на уничтожение партизанским отрядом Я.И. Тряпицына японской колонии в Николаевске-на-Амуре, охватывала Сахалин, континентальную часть Приамурья от Николаевска до Хабаровска, а также южное побережье Камчатки. В отличие от Корейской и Квантунской армий объединение не имело собственных ЯВМ, руководя агентурой в Приамурье и на Сахалине через специально прикомандированных к воинским частям офицеров разведки. До момента образования армии разведка на Сахалине и в Приамурье велась несистемно, чаще всего эпизодически командиремыми на материк разведгруппами, как, например, группой капитана Одзава, отправленной в октябре 1919 г. для исследования местности по морскому побережью от Николаевска-на-Амуре до Владивостока⁸².

Характер решаемых армейской разведкой задач варьировался в зависимости от военно-политической обстановки в зоне её ответственности. Согласно утверждённому в октябре 1920 г. «Плану разведывательной и пропагандистской деятельности Сахалинской экспедиционной армии», она изучала военную географию и природные ресурсы оккупированных территорий, собирала сведения о краснопартизанских отрядах и подпольных организациях, отслеживала политические настроения среди местного населения и деятельность представителей союзных держав⁸³.

В весенне-осенний период эти задачи решались с помощью небольшого агентурного аппарата в Мариинском, Большемихайловском, Де-Кастри и Николаевске-на-Амуре, завербованного из глав городской и поселковых администраций; в зимний период, из-за эвакуации войск с материка на Сахалин, – маршрутными агентами и связниками разведывательной группы армии в Погиби. Основу перебрасываемой на материк агентуры составляли нивхи, гиляки и местное русское население⁸⁴.

После принятия Кабинетом министров Японии 23 июня 1922 г. решения о выводе японского контингента с территории Дальневосточной республики (ДВР) и эвакуации армейских частей из Николаевска-на-Амуре и Де-Кастри к концу сентября, главной задачей разведывательных органов объединения стало наблюдение за передислокацией Народно-революционной армии (НРА) ДВР в освобождаемые районы и реакцией различных слоёв населения, включая китайцев и корейцев, на уход японских частей. Для этого командование армии приказало командирам своих охранных отрядов на Сахалине подобрать и оставить на материке агентуру, способную «своевременно освещать изменение обстановки на противоположном берегу»⁸⁵.

После завершения вывода войск штаб армии подготовил 30-страничный доклад под названием «Обстановка на противоположном Северному Сахалину побережье материка», состоявший из шести разделов – «Военная обстановка», «Политическая обстановка», «Положение населения», «Обстановка с торговлей», «Положение оставшихся на местах соотечественников», «Различные вопросы», – заключения и двух приложений – «Реестр имён сотрудников всех правительственных учреждений (по состоянию на последнюю декаду декабря 1922 г.)» и «Таблица имён соотечественников, оставшихся в Николаевске-на-Амуре в зимний период».

⁸² РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

⁸³ Архив НИИО МНО Японии. Сэнъэки-Сибэриа сюппэй-91 (С13110270500). Л. 2759–2762.

⁸⁴ Там же. (С13110271100). Л. 2793; Т9-16-55 (С07061129900). Л. 1619–1620.

⁸⁵ Там же. Т11-13-53 (С07061563100). Л. 1902–1904.

Его содержание свидетельствовало о наличии у армейской разведки хорошо информированного агентурного аппарата, освещавшего все стороны жизни советского общества в Николаевске-на-Амуре и в окрестных с ним поселениях. В то же время сведения из Хабаровска носили отрывочный и неполный характер. Так, в разделе «Состав и дислокация войск» приводились подробные сведения о размещении и численности частей Красной армии в Николаевске-на-Амуре, Мариинском, Софийске, Маломихайловке, Большемихайловке и т. д., а о советских гарнизонах в верхнем течении Амура до Хабаровска говорилось, что, «хотя подробности не могут быть полностью выяснены, никаких изменений по сравнению с прошлым периодом практически не произошло»⁸⁶.

В 1923–1924 гг. разведорганы армии продолжали контролировать обстановку на материке, получая агентурную информацию из Николаевска-на-Амуре и внимательно изучая русскоязычную прессу Хабаровска. Кроме того, в первом полугодии 1923 г. армейская разведка отслеживала действия Красной армии по ликвидации так называемого «якутского похода» генерала А.Н. Пепеляева⁸⁷.

К концу 1924 г. судьба Сахалинской экспедиционной армии была решена. В связи с подписанием советско-японского соглашения о выводе императорских войск с севера острова армейская разведка приступила к плановой консервации агентурного аппарата. Ещё в мае 1922 г. начальник штаба объединения запросил у Военного министерства на проведение разведывательной работы в 1923 финансовом году 36 000 иен⁸⁸. По докладу штаба армии от 3 марта 1925 г. заместителю военного министра генерал-лейтенанту Цуно Кадзусукэ, текущие расходы объединения по статье «Секретные военные расходы» составляли уже более 40 000 иен, в то время как аналогичные траты Квантунской армии не превышали 5000 иен в год. Спустя месяц Цуно проинформировал командующего армией о выделении ему ещё 20 000 иен для «русских граждан и лиц других национальностей, поддерживающих особые отношения с Сахалинской экспедиционной армией»⁸⁹. Однако после вывода японских войск из Северного Сахалина военная разведка фактически свернула там свою деятельность, возложив сбор информации на дипломатические представительства.

Квантунская армия к концу 1922 г. имела в своем подчинении 4 ЯВМ в Харбине, Хэйхэ, Маньчжоули и Мукдене. Если первые три дислоцировались в Северной Маньчжурии и занимались разведкой против СССР, то мукденская миссия вела сбор информации по Китаю и оказывала советническую помощь фэнтяньской клике Чжан Цолина, который рассматривался в Токио в качестве главного проводника его внешней политики на континенте⁹⁰.

С момента образования в 1905 г. и вплоть до оккупации Маньчжурии в 1931 г. Квантунская армия не имела специализированного штабного подразделения по сбору и анализу развединформации. Этой работой занимался старший штабной офицер через 1–2 подчинённых сотрудников и нескольких прикомандированных офицеров ЯВМ. Численность центрального аппарата армейской разведки была минимальной: к январю 1923 г. штаб армии насчитывал 6 офицеров, из которых организацией всех видов разведки занимались полковник Мацуи Ситио, майор Ёсимура Сатору и капитан Накао Тадахико⁹¹.

Координатором разведывательной деятельности Квантунской армии на советском направлении выступала образованная в марте 1918 г. харбинская ЯВМ, проходившая в официальных документах по фамилии её руководителя как «Мацуи кокан» или «Андо кокан» («мис-

⁸⁶ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.21.030 (B03051252500). Л. 0128.

⁸⁷ Там же. Л. 0122.

⁸⁸ Архив НИИО МНО Японии. T12-2-33 (C07061590800). Л. 1380.

⁸⁹ Там же. T14-1-31 (C03010379900). Л. 0111; (C03010379300). Л. 0511.

⁹⁰ Арига, Цутао. Указ. соч. С. 94.

⁹¹ Архив МИД Японии. 5.1.4.28 (B07090234900). Л. 0299.

сия Мацуи», «миссия Андо»). К январю 1923 г. в состав органа под видом гражданских специалистов входили 3 офицера разведки и 1 переводчик, ещё по 1 офицеру разведки возглавляли подчинённые ему ЯВМ в Маньчжоули и Хэйхэ⁹².

Деятельность харбинской миссии регламентировал приказ командующего Квантунской армией от 15 ноября 1920 г., в соответствии с которым на неё возлагались задачи по сбору и надлежащей оценке развединформации о Вооружённых силах и военной промышленности России и Китая, деятельности органов власти и экономических организаций обеих стран, изучению военной топографии Северной Маньчжурии, освещению положения дел у корейских повстанцев и отрядов хунхузов. Работа миссии велась в тесном контакте с японскими дипломатическими органами в соответствии с принятым империей курсом на поддержание дружеских отношений с российскими и китайскими властями. Проведение каких-либо активных мероприятий запрещалось⁹³.

Превращение харбинской миссии в разведывательный центр по советскому Дальнему Востоку началось осенью 1920 г., после передачи в Квантунскую армию личного состава эвакуированных из Забайкалья миссий в Чите и Верхнеудинске (Улан-Удэ). Приказом военного министра от 8 ноября 1920 г. к управлению армии прикомандировались 23 внештатных сотрудника, в том числе 7 офицеров в звании от лейтенанта до генерал-лейтенанта, 1 гражданский специалист, 3 переводчика и 12 наёмных сотрудников, из которых 5 офицеров, включая генерал-лейтенанта Исидзака Дзэндзиро, полковника Сиотэн Нобутака, капитанов Гига Сэя и Окамото Садамицу, работали в харбинской миссии, а 2 – в цицикарской резидентуре⁹⁴.

Однако до ноября 1922 г. харбинская ЯВМ оперировала главным образом в полосе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), так как разведкой на территории Забайкалья, Приморья и Приамурья занимались аналогичные миссии в Маньчжоули, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Никольск-Уссурийском и Владивостоке, подчинявшиеся командованию Владивостокской экспедиционной армии⁹⁵. В соответствии с решением правительства от 23 июня 1922 г. о выводе японских войск из Дальневосточной республики личный состав и зоны ответственности вышеуказанных миссий к концу осени перешли под контроль ЯВМ в Харбине. По инициативе МИД, опасавшегося вмешательства военных в материковую политику империи и ответной негативной реакции великих держав, Военное министерство приказом от 6 ноября 1922 г. сократило в течение месяца штатную численность ЯВМ в Северной Маньчжурии до 4 старших и 1 младшего офицера, следствием чего стал отъезд в метрополию крупнейшего специалиста по России генерал-лейтенанта Хамаомотэ Матасукэ и ведущего разведчика-китаиста полковника Кудо Гокити, а также закрытие цицикарской резидентуры⁹⁶.

Кроме того, после ухода императорской армии из ДВР харбинская миссия и подчинённые ей разведорганы в Маньчжоули и Хэйхэ утратили большую часть агентурных позиций в Приморье, Приамурье и Забайкалье в связи с оттоком оттуда японских мигрантов, составлявших костяк агентурно-разведывательной сети. На связи у харбинской миссии остались в основном компактно проживавшие в Северной Маньчжурии японские переселенцы: согласно докладу начальника штаба Квантунской армии в Военное министерство от 14 января 1924 г., из 100 человек, контактировавших с ЯВМ, 50 были японцами, 30 – китайцами и 20 – русскими⁹⁷. Как правило, японцы являлись агентами-групповодами и проживали в приграничных с Советским Союзом районах: 3 агента находились в Мулине, 2 – на станции Пограничной, 1 – в Муда-

⁹² Там же. 5.1.10.10.2 (В07090491400). Л. 0413.

⁹³ Архив НИИО МНО Японии. Т9-1-6 (С03022489000). Л. 0033–0037, 0040–0044.

⁹⁴ Там же. Т10-5-47 (С03010316500). Л. 0927–0931.

⁹⁵ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.21.018 (В03051236700). Л. 0061.

⁹⁶ Там же. 5.1.10.10.2 (В07090490000). Л. 0217; Архив НИИО МНО Японии. Т12-1-31 (С03010355000). Л. 0455–0456.

⁹⁷ Там же. Т13-1-34 (С07061657400).

нызьяне, ещё 1 групповод-кореец и китаец – в Хайлине. Костяк русского агентурного аппарата составляли бежавшие в Китай из России белогвардейцы, как, например, консультант миссии по советским военным вопросам бывший начальник Академии ГШ генерал-майор А.И. Андогский, организатор разведки в районе Пограничная – Никольск-Уссурийский полковник Генерального штаба В.Е. Сотников, бывший приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, его секретарь и по совместительству бывший агент благовещенской резидентуры Н.И. Ландышев, осевший в Харбине помощник начальника владивостокской контрразведки поручик А.Н. Липовицкий, резидент по Амурской области под прикрытием сотрудника газеты «Русское слово» генерал-майор Е.Г. Сычёв⁹⁸.

Ряд агентов действовал среди персонала советского консульства в Харбине, о чём свидетельствовали доклады командования армии в Токио: ссылаясь на поступившие оттуда сведения, 31 декабря 1923 г. начальник штаба Кавада сообщил в Генштаб и Военное министерство о том, что «26 декабря дислоцированные в Песчанке два стрелковых полка Красной армии подняли мятеж; посланные из Читы войска после четырёхчасового боя разоружили один полк, а второй со всем вооружением бежал в Монголию»⁹⁹. Кроме того, миссия использовала в разведывательных и пропагандистских целях издававшиеся в Северной Маньчжурии газеты «Русский голос», «Новости жизни» и некую газету, проходившую в её отчётах как «Мосюто» (вероятно, «Мост»)¹⁰⁰.

Помимо работы с агентурных позиций харбинская миссия тщательно обрабатывала материалы открытой советской печати: 23 июня 1923 г. начальник органа генерал-майор Мацуи Иванэ завизировал доклад «Проблемы российской торговли и транспортного сообщения», подготовленный его подчинёнными на основе газетной статьи в «Известиях». Стоит отметить, что в дипломатической переписке доклады Мацуи неизменно оценивались высоко и, по мнению МИД, носили «в высшей степени беспристрастный и объективный характер»¹⁰¹.

Подчинявшаяся харбинскому органу миссия в Маньчжоули отвечала за сбор информации в Забайкалье, западном секторе КВЖД, во Внутренней и Внешней Монголии, наблюдая в первую очередь за 5-й Краснознамённой армией и развитием советско-китайских отношений. Основу её агентурного аппарата составляли члены проживавшей в Маньчжоули и Хайларе японской диаспоры, китайцы и белоэмигранты. Для получения сведений миссия активно использовала маршрутную агентуру, сообщения от которой часто носили размытый характер. Так, 29 сентября 1924 г. начальник органа капитан Хасимото Кингоро проинформировал Харбин со ссылкой на посланного в Даурию маршагента о прибытии из Омска, Томска и Красноярска восьми эшелонов с войсками, но назвать точную численность войск и цель их переброски не смог. Однако даже такая отрывочная информация имела ключевое значение для харбинского разведцентра, так как в итоге позволила ему прийти к заключению о наращивании Советским Союзом войск в приграничных районах с Маньчжурией для оказания давления на Чжан Цзолиня по вопросу подписания соглашения о КВЖД¹⁰².

Хэйхэская миссия была образована в мае 1922 г. на базе эвакуированной из Благовещенска резидентуры Владивостокской армии и занималась агентурной разведкой в Приамурье с опорой на проживавшую там японскую диаспору. В октябре миссию возглавил капитан Канда Масатанэ, однако из-за того, что в 1923 г. сообщение с Благовещенском прекратилось и, кроме того, Советский Союз учредил в Хэйхэ своё консульство, которое занималось активной контрразведывательной работой против японцев, в марте 1924 г. ЯВМ была официально закрыта.

⁹⁸ Сычёв сотрудничал с японской разведкой с середины 1922 г., установив контакт с резидентом Квантунской армии в Цицикаре подполковником Сайто Минору (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1190. Л. 174).

⁹⁹ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.21.031 (В03051253800). Л. 0288.

¹⁰⁰ Архив НИИО МНО Японии. Т13-4-11 (С03022664700). Л. 1175.

¹⁰¹ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.10.016 (В03051158800). Л. 0088–0099; 5.1.10.10.2 (В07090491400). Л. 0413.

¹⁰² Там же. 1.6.3.24.13.21.032 (В03051254900). Л. 0075; А.2.2.0.С/ R1.001 (В02030817800). Л. 0211.

Впрочем, по сообщению в Токио японского консула в Цицикаре Накано Юити, истинной причиной отъезда Канда стало его злоупотребление спиртными напитками и драки с представителями местных китайских властей. Обязанности резидента перешли к проживавшему в Хэйхэ японскому предпринимателю Миядзаки Масаюки, который параллельно работал на хэйхэское отделение железнодорожной компании «Мантэцу»¹⁰³. В результате проведённого Военным министерством сокращения численности ЯВМ с 1 апреля 1924 г. в харбинской и маньчжурской военных миссиях осталось 3 офицера¹⁰⁴.

Причинами резкого уменьшения штатов миссий в 1922–1924 гг. следует считать постепенную нормализацию советско-японских отношений, отсутствие потенциальной советской угрозы владениям Японии в Южной Маньчжурии и малочисленность 5-й Краснознамённой армии, которая, по сведениям РУ ГШ на начало 1925 г., имела 3 стрелковые дивизии, 2 кавалерийские бригады и 4 авиационные эскадрильи, чьи дислокация и состав были хорошо изучены японцами¹⁰⁵. Кроме того, основное внимание японской военной разведки в начале 20-х гг. сосредоточилось на изучении обстановки в наиболее густонаселённой и экономически развитой из дальневосточных районов Приморской губернии, а в 1922–1925 гг. она входила в зону ответственности разведорганов Корейской и Сахалинской экспедиционных армий.

Осознавая необходимость усиления агентурной работы на советском направлении, 7 июля 1924 г. начальник штаба Квантунской армии генерал-майор Кавада Акидзи направил в Военное министерство докладную записку «Размышления относительно размещения разведывательных органов армии в Сибири и на Дальнем Востоке после восстановления дипломатических отношений между Японией и Россией». В ней, ссылаясь на важность Маньчжурии, Монголии и советского Дальнего Востока для будущего японской нации и её национальной обороны, Кавада предлагал расширить сеть действовавших там японских разведывательных органов. Для этого планировалось развернуть разведпункты в Чите, Благовещенске и на станции Пограничной в дополнение к уже существовавшим ЯВМ в Харбине и Маньчжоули, направив в каждый орган по 1 офицеру. Резидентуры в Чите, Благовещенске и Пограничной должны были замыкаться на Харбин. Кроме того, в Хабаровске, Владивостоке и Новосибирске Кавада предлагал создать нелегальные резидентуры Генштаба, которые бы поддерживали постоянную связь с разведорганами харбинской ЯВМ. Новосибирской резидентуре отводилась роль регионального разведывательного центра по сбору информации в Сибири, Центральной Азии, Внешней Монголии, Тибете, Афганистане, поддержанию связи с резидентурами в европейской части СССР и на Дальнем Востоке. Всего в разведорганах армии и Генштаба должно было работать 10 офицеров¹⁰⁶.

Военное министерство отвергло эту идею, ссылаясь на нежелательность осложнения советско-японских отношений. Проблема, однако, заключалась в том, что в условиях регулярного сокращения штатов североманьчжурских миссий им приходилось не только заниматься разведкой в СССР, но и вести сбор информации по китайской проблеме, поскольку задача наблюдения за обстановкой в Маньчжурии в разрезе её влияния на континентальную политику Токио была закреплена за харбинской ЯВМ командующим Квантунской армией ещё 15 ноября 1920 г.¹⁰⁷ При этом из трёх офицеров разведки, оставшихся к осени 1924 г. в североманьчжур-

¹⁰³ Там же. 5.1.4.48.1 (В07090249400). Л. 0209–0210; *Нисихара, Юкио*. Дзэнкироку Харубин токуму кикан: Кантогун дзё-хобу-но кисэки = Полная летопись харбинской военной миссии: По следам Информационно-разведывательного управления Квантунской армии. Токио: Майнити симбунся, 1980. С. 38.

¹⁰⁴ Архив НИИО МНО Японии. Т13-2-9 (С03022647100). Л. 0650–0651. Вместе с Канда в Токио в распоряжение китайского отдела РУ ГШ убыл сотрудник харбинской военной миссии китаист капитан Сиота Садаити.

¹⁰⁵ Там же. Тьюо-гундзи гэсэй дзёхо-2 (С14010393200). Л. 0310–0316.

¹⁰⁶ Там же. Т13-4-11 (С03022673900). Л. 1823–1831.

¹⁰⁷ Там же. Т9-1-6 (С03022489000).

ских миссиях, ни один не являлся специалистом по Китаю, что вызывало особое беспокойство у армии.

Таблица 2
Сотрудники ЯВМ в Северной Маньчжурии на 1 сентября 1924 г.¹⁰⁸

ЯВМ	Сотрудники	Предыдущий опыт разведывательной деятельности
Харбин	подполковник Такахаси Сутэдзиро (начальник ЯВМ)	резидент во Владивостоке, Никольск-Уссурийском, Париже, Севастополе, Стамбуле
	капитан Хата Хикосабуро (сотрудник ЯВМ)	сотрудник русского отделения РУ ГШ
Маньчжоули	капитан Хасимото Кингоро (сотрудник ЯВМ)	сотрудник русского отделения РУ ГШ

Поэтому, когда 15 сентября 1924 г. войска Чжан Цзолия напали на чжилийскую клику и начали новую фазу борьбы за господство в Китае, Кавада направил в Военное министерство «Подробное изложение мнения относительно расширения разведывательных органов в Северной Маньчжурии с учётом ситуации в Китае», в котором обратил внимание Токио на необходимость усиления харбинской миссии специалистом по китайским делам, аргументируя свою просьбу опасностью организованных чжилийцами с подачи советского полпреда в Китае Л.М. Карахана беспорядков на КВЖД с целью свержения Чжана и установлением ими контроля над корейскими повстанцами и хунхузами¹⁰⁹.

Согласившись с этими доводами, 3 октября 1924 г. заместитель военного министра временно прикомандировал к харбинской ЯВМ одного офицера разведки¹¹⁰. Им стал майор Сугано Такэдзи, прибытие которого харбинская газета «Трибуна» связала с усилением разведки против СССР: Сугано, как говорилось в статье, имел богатый опыт нелегальной работы в Приморье в царский период и должен был заниматься разведкой в Приморской губернии, а также собирать информацию о корейских и японских коммунистах. Однако японские дипломатические круги связывали его приезд с эскалацией гражданской войны в Китае, тем более что в 1919 г. Сугано возглавлял резидентуру в Чифэне¹¹¹.

После победы войск Чжан Цзолия над чжилийцами в ноябре 1924 г. в недрах Военного министерства появился проект сокращения штатов японских разведывательных органов в Северной Маньчжурии, что вынудило начальника штаба Квантунской армии отправить 5 декабря в Токио телеграмму следующего содержания: «Несмотря на то что ход войны в Китае постепенно близится к завершению, бурная деятельность Карахана по превращению Гоминьдана в коммунистическую партию делает советскую политику в Китае всё более агрессивной, а Северная Маньчжурия становится ареной больших событий. И в это же время штаты харбинской ЯВМ подвергаются внезапному сокращению. Ввиду того что характер складывающейся ситуации делает невозможным такое положение дел, прошу Вас уделить особое внимание рассмотрению вопроса о сохранении нынешнего статуса миссии в неизменном виде»¹¹².

¹⁰⁸ Нихон рикюкайгун сого дзитэн. С. 15; Архив МИД Японии. 5.1.10.10.2 (В07090491400). Л. 0429.

¹⁰⁹ Архив НИИО МНО Японии. Т13-4-11 (С03022673800). Л. 1816–1820.

¹¹⁰ Там же. Т13-2-9 (С03022647100). Л. 0646.

¹¹¹ Архив МИД Японии. 5.1.10.10.2 (В07090491400). Л. 0429–0432.

¹¹² Архив НИИО МНО Японии. Т14-1-6 (С03022687900). Л. 0084–0085.

Не имея дополнительных средств на содержание более чем трёх офицеров в составе харбинской и маньчжурской миссий, Военное министерство тем не менее пошло навстречу Квантунской армии и с согласия Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) прикомандировало к её харбинскому отделению ещё одного сотрудника военной разведки. При этом ЮМЖД («Мантэцу») полностью взяла на себя оплату его расходов. Уже в апреле 1925 г. в харбинскую миссию прибыл капитан Канда Масатанэ, который под видом сотрудника отделения «Мантэцу» занялся сбором информации о Северо-маньчжурском театре военных действий, пропускной способности Китайско-Восточной и Транссибирской железных дорог, разработкой планов разведывательно-диверсионных операций на случай войны с Советским Союзом¹¹³.

25 июня 1925 г. начальник штаба Квантунской армии добился от Токио продления договора с «Мантэцу», ссылаясь на высокую вероятность советско-китайского столкновения из-за КВЖД или проблемы судоходства по Сунгари, благодаря чему после убийства Канда в 1927 г. в Харбине ещё год под аналогичным прикрытием работал капитан Оути Цутому¹¹⁴.

Кроме того, командование Квантунской армии систематически направляло на север Маньчжурии в помощь сотрудникам ЯВМ в краткосрочные командировки штабных офицеров для изучения театра и завязывания контактов в белоэмигрантской и китайской среде. Так, в первой четверти 1924 г. офицеры армейской разведки посетили районы Чжанцзякоу, Синьминь – Тунляо, железнодорожную линию Чанчунь— Харбин – Цицикар – Маньчжоули и восточную оконечность КВЖД, собирая сведения о русских мигрантах в районе Харбин – Пограничная и китайских организациях в районе Мукдена (Шэньяня)¹¹⁵.

Как уже отмечалось, разведывательная деятельность в Приморье приказом начальника Генерального штаба от 14 октября 1922 г. была целиком сосредоточена в *Корейской армии*, что объяснялось наличием у неё там прочных агентурных позиций и надёжных линий связи с агентами.

Как самостоятельное объединение сухопутных войск Корейская армия была образована в начале Русско-японской войны для обороны Корейского полуострова и прикрытия тыла на Маньчжурском театре. После завершения боевых действий в 1905 г. армия переключилась на подготовку к возможному ведению операций на Южноуссурийском театре. По своей численности объединение соответствовало двум пехотным дивизиям, поэтому в его штабе, так же как и в Квантунской армии, отсутствовал разведывательный отдел. Работой всех видов разведки руководил старший штабной офицер через 2–4 прикомандированных к управлению армии офицеров и 1 переводчика¹¹⁶.

В соответствии с директивами Генштаба в 1905–1918 гг. разведорганы армии оперировали в полосе Барабаш – Владивосток – Никольск-Уссурийский – Иман – Хабаровск, располагая там шестью резидентурами во главе с японскими колонистами. В интересах армейской разведки также использовались жители Кореи из числа лиц, имевших родственников и друзей на приграничной российской территории. Перед заброской в Приморье с ними отрабатывались легенды прикрытия и обговаривались способы связи, им давались явки к уже действовавшим там агентам и выделялись необходимые денежные средства¹¹⁷.

¹¹³ Нисихара, Юкио. Указ. соч. С. 40.

¹¹⁴ Нихон рикюкайгун сого дзитэн. С. 31; Архив НИИО МНО Японии. Т14-4-9 (С03022721600). Л. 1332–1333.

¹¹⁵ Там же. Т13-4-11 (С03022664700). Л. 1173.

¹¹⁶ Там же. М42-4-51 (С07041995700). Л. 0153, 0157; М43-12-32 (С06085019600). Л. 0551; Т1-1-7 (С02030618400). Л. 0404, 0407; Т2-1-7 (С03010002200). Л. 0179, 0182; Т3-1-7 (С02030680000). Л. 0041, 0044; Т4-1-13 (С02030718500). Л. 0076; Т5-1-1 (С02030755300). Л. 0221, 0224; Т6-1-11 (С03010035500). Л. 0101; Т7-1-9 (С02030817200). Л. 0231–0232; Т8-1-11 (С02030870200). Л. 0754–0755; Т9-1-11 (С02030916600). Л. 0393; Т10-1-12 (С02030975500). Л. 0407–0409; Т11-1-13 (С02031033400). Л. 0800–0801.

¹¹⁷ Там же. М42-4-8 (С03022970800). Л. 0819–0823; М43-2-6 (С03022989400). Л. 0836–0837, 0852, 0870; ГАХК. Ф. И-16. Оп. 6. Д. 1а. Л. 232–233 об.

Однако после всплеска освободительного движения в Корее в марте 1919 г. армия целиком переключилась с разведки против России на изучение революционных организаций корейцев в Цзяньдао, долине р. Ялуцзян, Мукдене и Шанхае, поэтому в 1921 г. отозвала своего резидента из Никольск-Уссурийского, договорившись с командованием Квантунской и Владивостокской экспедиционной армий о получении копий докладов по Уссурийскому краю владивостокской, никольск-уссурийской и харбинской военных миссий. Кроме того, в апреле 1921 г. была образована резидентура связи в Яньцзи, руководившая работой против корейских повстанцев разведорганов в Хуньчуне, Лунцзине, Тоудаогоу, Байцаогоу и Тяньбаошане¹¹⁸.

Провал японской оккупационной политики на советском Дальнем Востоке привёл к возобновлению сбора разведкой Корейской армии информации о военно-политической и экономической обстановке на юге Приморья. Корейская тематика отошла на второй план, уступив место отслеживанию мероприятий советских органов власти по укреплению обороноспособности Приморской губернии. Для этого в октябре 1922 г. Генеральный штаб передал в подчинение армии легальную резидентуру капитана Мацуи Такуро, прибывшего во Владивосток четырьмя месяцами раньше.

Официально Мацуи находился в порту для изучения русского языка, знакомства с политической ситуацией в Советской России и урегулирования не решённых после ухода японских частей из Приморья военных вопросов. Командование НРА ДВР согласилось на его пребывание во Владивостоке, но поставило перед Мацуи три условия: находиться в городе как частное лицо, не носить японскую военную форму и не участвовать в заговорщицкой деятельности антисоветских элементов¹¹⁹. Кроме него в состав резидентуры входили связной Хираи Сэйкити и переводчик Мита Гакаку, контактировавшие примерно с 30 агентами. Для передачи собранной информации Мацуи использовал каналы радиосвязи стоявшего на рейде Владивостока крейсера «Ниссин» и почтовую линию японского генерального консульства¹²⁰. Заботясь о безопасности резидента, 25 октября 1922 г. Военное министерство запросило у Военно-морского министерства санкцию на предоставление Мацуи в случае необходимости убежища на борту «Ниссин», на что 2 ноября получило согласие¹²¹.

В 1922–1924 гг. владивостокская резидентура систематически собирала в Приморье и Приамурье разведывательную информацию военного, социально-экономического и политического характера. Поступавшие от Мацуи данные носили разнообразный характер. Так, 2 апреля 1923 г. он направил начальнику штаба Корейской армии, заместителям военного министра и начальника Генштаба донесение, освещающее проблемы лесозаготовок и состояние почтово-телеграфной связи в Приморской губернии¹²². Спустя двое суток – 4 апреля 1923 г. – штаб Корейской армии подготовил на основе докладов Мацуи разведывательную сводку «Сведения из Владивостока», в которой анализировал состав и тактику действий русских контрреволюционных отрядов из Никольск-Уссурийского, Камень-Рыболова и Гродеково, перспективы открытия советского консульства в Японии, деятельность японского банка во Владивостоке, переговоры советской стороны с командующим китайскими войсками района Харбин—Нанган, поставки пшеничной муки из Китая, организацию связи корейских революционных организаций между Владивостоком и Шанхаем, положение дел у проживав-

¹¹⁸ Архив НИИО МНО Японии. Т9-1-61 (С06031223800). Л. 0556–0560.

¹¹⁹ Там же. Т13-2-9 (С03022654000). Л. 1270–1271. Бывший сотрудник харбинской военной миссии Нисихара Юкио отмечает в своём исследовании, что Мацуи был прикомандирован к владивостокскому генеральному консульству в качестве младшего секретаря (*Нисихара, Юкио. Указ. соч. С. 37*).

¹²⁰ *Куртинец С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // Вестник ДВО РАН. 2011. № 1. С. 30.*

¹²¹ Архив НИИО МНО Японии. Т11-5-40 (С03010348900). Л. 0916–0921.

¹²² Там же. Т12-2-33 (С07061598300). Л. 2234–2241.

шего в районе Никольск-Уссурийского корейского населения. В качестве одного из источников информации в сводке фигурировал японский вице-консул в Никольск-Уссурийском¹²³.

Однако зимой 1924 г. советская контрразведка арестовала всех сотрудников владивостокского центра. Провал резидентуры Мацуи стал следствием агентурного проникновения органов госбезопасности в ближайшее окружение японского генерального консула и негласной выемки его переписки. С 26 по 29 февраля 1924 г. сотрудники Приморского губотдела Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) арестовали 18 японцев, 2 китайцев и 3 корейцев, в том числе вице-консула во Владивостоке Гундзи Томомаро, чиновника Корейского генерал-губернаторства Харута Рэйхатири, переводчика консульства Осакабэ Цуцуму, резидента Морского Генштаба (МГШ) капитана 3-го ранга Минодзума Дзюндзи, которые независимо от Мацуи вели сбор информации о Приморье и корейских революционных организациях¹²⁴. В ходе допросов Мацуи и Минодзума категорически отрицали свою вину, поэтому после переговоров в Пекине японских представителей с Л.М. Караханом 23 мая 1924 г. были депортированы из СССР¹²⁵.

Несмотря на провал Мацуи, Корейская армия продолжала получать данные о Приморье через сеть приграничных разведорганов на китайской и корейской территориях. Если в 1923 г. ей подчинялись пункты в Яньцзи, Хайлине, Хуньчуне и Нанаме, из которых последние три работали по югу Уссурийского края, то в 1924 г. к ним добавились пункты в Синьиджу, Харбине, Сэйсине (Чхонджине) (вместо Нанаме) и Дуннине (Саньчагоу), ориентированные, за исключением синьиджуского, на сбор информации о СССР. Появление разведорганов в Северной Маньчжурии, находившейся в юрисдикции Квантунской армии, стало возможным благодаря соглашению между начальником Разведуправления Генштаба и начальником штаба Квантунской армии о совместном с Корейской армией ведении разведки против корейцев в зоне ответственности объединения¹²⁶.

Харбинский орган занимался активной вербовочной работой среди совслужащих КВЖД и членов белопартизанских отрядов в Маньчжурии с целью получения информации о Приморье. На основании его донесения от 17 июля 1924 г. со ссылкой на источник в харбинской партийной организации большевиков штаб армии, в частности, проинформировал Токио о прибытии в Приморскую губернию 4000 новобранцев из центральной части России¹²⁷.

Другие разведывательные органы армии, как, например, пункт в Сэйсине, для получения информации о Приморье опрашивали экипажи и пассажиров прибывавших из Владивостока судов, а также выводили туда свою проверенную агентуру по каналу морского сообщения между Кореей и СССР¹²⁸.

Тем не менее после разоблачения Мацуи японское командование решило сосредоточить разведку Корейской армии против Приморья в руках опытного сотрудника центрального аппарата Разведуправления: 3 октября 1924 г. заместитель военного министра уведомил начальника штаба армии о прикомандировании к объединению офицера разведки с целью организации агентурной работы против СССР с позиции станции Пограничная (Суйфэньхэ)¹²⁹.

Месяц спустя разведпункт в Пограничной возглавил прибывший из Токио сотрудник русского отделения РУ ГШ майор Иимура Дзё. Выбор места его пребывания был не случаен: на юге Уссурийского края, в Никольск-Уссурийском округе, проживало большое количество молодых корейцев, представлявших собой потенциальный вербовочный контингент. Одно-

¹²³ Там же. Т12-5-11 (С03022636600). Л. 1791–1807.

¹²⁴ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.75.002 (В03051383300). Л. 0382–0383; (В03051383400). Л. 0464.

¹²⁵ Архив НИИО МНО Японии. Т13-2-9 (С03022654000). Л. 1332–1333.

¹²⁶ Там же. S1-4-4 (С03022769000). Л. 1801. Нанам находился в 12 км западнее Сэйсина.

¹²⁷ Там же. Т12-1-38 (С06031243700). Л. 1385–1386. Точно так же действовала резидентура в Хайлине.

¹²⁸ Там же. Т12-1-38 (С06031242200).

¹²⁹ Там же. Т13-2-9 (С03022647300). Л. 0663–0666.

временно на станцию Хайлинь, являющуюся узловой на конечном участке восточной ветки КВЖД, был направлен другой офицер разведки – капитан Курода Гэндзи, который возглавил созданный там в 1923 г. армейский разведывательный пункт¹³⁰.

Хотя оба резидента подчинялись командованию Корейской армии, копии информационных отчётов они направляли в Квантунскую армию и харбинскую миссию, получая оттуда директивы по вопросам организации агентурной работы¹³¹. Подобная практика диктовалась необходимостью перепроверки докладов агентов харбинской миссии, действовавших в Приморье независимо от Корейской армии, и большим опытом ведения последней агентурной разведки в России, поскольку ЯВМ в Харбине регулярно выводила в приграничную полосу свою маршрутную агентуру, которая собирала сведения о положении дел в белопартизанских отрядах, настроениях в крестьянской среде, заготовках продовольствия, дислокации, вооружении частей Красной армии, каналах нелегальной торговли между Россией и Китаем и прочем. Так, один из агентов миссии – старший унтер-офицер кавалерии в запасе Ооя Масуо («Яманака Тадаюки») – во время интервенции проходил службу в 7-й пехотной дивизии в Северной Маньчжурии, в совершенстве освоил китайский язык и после ухода в запас под видом китайца по заданиям частных организаций изучал топографию, природные ресурсы этого региона и деятельность местных отрядов хунхузов. В январе 1924 г. харбинская миссия привлекла его к разведке междуречья Амура и Уссури, однако 11 марта Ооя был задержан сотрудниками погранотряда в Имане, но сумел выдать себя за члена японской компартии, был этапирован во Владивосток, откуда спустя три месяца депортирован в Японию¹³².

В короткие сроки Иимура организовал агентурный аппарат разведоргана, который к лету 1925 г. включал проживавших на станции Пограничная и сохранивших родственные связи с Приморьем белоэмигрантов, корейцев и членов хунхузских отрядов. С последней категорией контактировали агенты миссии японские предприниматели Ногуты Бунроку и Фукуда Ясабуру¹³³.

Необходимо отметить, что разведывательные органы Корейской и Квантунской армий поддерживали тесный контакт по широкому кругу вопросов. Инспектируя японские войска в Корее в феврале 1924 г., командующий Квантунской армией отмечал, что, несмотря на соседство Маньчжурии и Кореи и большое внимание, уделяемое вопросам разведки в обеих армиях, изученность положения дел у корейцев, проживавших за пределами Кореи, оставалась достаточно слабой, поэтому сообщил о заключении соглашения об организации ЯВМ для совместного решения этой задачи¹³⁴.

Уже в ноябре 1924 г. командование Корейской армии и начальник мукденской ЯВМ генерал-майор Кикичи Такэо договорились о направлении в подчинённую ему миссию разведчиков армии для проведения оперативных мероприятий в Южной Маньчжурии и сбора сведений о ситуации в Корее. Интересно, что среди командированных в Мукден сотрудников был вернувшийся из Японии и зачисленный в штат хайлиньского разведпункта Ооя Масуо¹³⁵.

«Ахиллесовой пятой» разведывательных органов Корейской и Квантунской армий являлось их недостаточное финансирование. Сеул, например, регулярно запрашивал у Токио дополнительные средства на ведение агентурной разведки, но в большинстве случаев наталкивался на отказ: 25 сентября 1923 г. начальник штаба Корейской армии телеграфировал Военному министерству запрос о срочном увеличении секретных расходов на следующие полгода

¹³⁰ Архив МИД Японии. 5.1.10.10.2 (B07090491400). Л. 0428.

¹³¹ Нисихара, Юкио. Указ. соч. С. 39.

¹³² Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.75.002 (B03051383600). Л. 0528–0536.

¹³³ Национальный архив Японии. Хэй 11 хому 02067100 (A08071279300). Л. 27–28.

¹³⁴ Архив НИИО МНО Японии. T13-4-11 (C03022674400). Л. 1922.

¹³⁵ Архив МИД Японии. 5.1.10.10.2 (B07090491400). Л. 0433. 385 13 А.Г. Зорихин

до 10 000 иен, однако Токио согласился выделить только половину требуемой суммы; в июле 1925 г. объединение вновь запросило у Военного министерства 2400 иен на нужды миссии в Пограничной, однако и в этом случае оборонное ведомство удовлетворило заявку лишь наполовину¹³⁶.

Другой проблемой разведывательных органов всех уровней стало отсутствие постоянных агентурных позиций на территории СССР, обусловленное прежде всего резким оттоком японской диаспоры из Забайкалья и Дальнего Востока после ухода отсюда войск интервентов. На это, в частности, 7 июля 1924 г. обращал внимание Военного министерства начальник штаба Квантунской армии Кавада: «После вывода императорской армии из России в результате закрытия государственной границы мы практически ничего не знаем о политической ситуации в этой стране»¹³⁷. Поэтому ещё в мае 1923 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Муто Нобуёси разослал циркулярную директиву командованиям Квантунской, Корейской армий, начальникам военных миссий в Харбине, Хэйхэ и Маньчжоули о заведении специальных формуляров на всех выезжавших в Советский Союз граждан Японии, предлагая отдельно фиксировать информацию об их службе в действующей армии во время кампании 1904—1905 гг., военно-учётной специальности, политической ориентации, уровне образования, роде деятельности и степени владения русским языком, что позволило бы Разведывательному управлению наладить учёт потенциальных агентов или связных из числа колонистов для их последующего использования в оперативной работе против СССР¹³⁸.

Определённое влияние на деятельность военной разведки Японии оказывали встречные шаги советских органов госбезопасности. Хотя до сих пор ничего не известно о разоблачении японской агентуры в европейской части нашей страны, тем не менее в 1921—1923 гг. Иностранному отделу ГПУ удалось внедрить в аппарат военного атташе Японии в Польше В.А. Горвиц-Самойлова и, вероятно, взять под контроль его агентурную деятельность¹³⁹.

Кроме того, в Маньчжурии активность японских военных миссий сковывала работа территориальных органов госбезопасности, преобразованных в ноябре 1922 г. из Госполитохраны МВД ДВР в Полномочное представительство (ПП) ГПУ по Дальневосточной области. Японцам противодействовали контрразведывательный отдел (КРО) представительства и его отделения в губернских отделах, а также иностранное отделение (ИНО) полпредства. Кроме того, в июле 1923 г. были сформированы части пограничной охраны ПП ГПУ, взявшие под контроль весь периметр госграницы в Дальневосточной области.

По линии советской внешней разведки получением сведений о деятельности японских спецорганов и разложением белоэмигрантских кругов в Харбине с 1922 г. занималась легальная резидентура Госполитохраны под прикрытием аппарата особоуполномоченного МИД ДВР в полосе отчуждения КВЖД. В июне следующего года она объединилась с местной резидентурой Разведуправления Красной армии и перешла в подчинение Иностранного отдела ГПУ, в то время как Полпредство по Дальневосточной области организовало три легальные резидентуры в Маньчжоули, Пограничной и Хэйхэ с целью агентурного проникновения в негласный аппарат местных военных миссий. Хотя им удалось завербовать агентуру из числа проживавших в Северной Маньчжурии японцев и белоэмигрантов, включая негласных сотрудников харбинской ЯВМ А.И. Андогского и В.Е. Сотникова, решить главную задачу – регулярно изымать документальные материалы миссий – резидентуры не сумели.

Большей результативностью отличалась работа контрразведывательных органов губотделов ГПУ в Приморье, Приамурье и Забайкалье, которые сделали ставку на вербовку агентов

¹³⁶ Архив НИИО МНО Японии. Т14-1-6 (С03022687900). Л. 0083.

¹³⁷ Там же. Т13-4-11 (С03022673900). Л. 1823.

¹³⁸ Там же. Т12-2-8 (С03022599500).

¹³⁹ Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 425–426.

среди представителей японской и корейской диаспор. Благодаря агентурному проникновению приморских чекистов во владивостокское генеральное консульство в 1924 г. были раскрыты разведывательные организации Корейской армии и МГШ, а 10 марта того же года Амурский губотдел Полпредства ОГПУ арестовал в Благовещенске по обвинению в шпионаже японских поданных фотографа Табата Кудзиро и врача Нарита Дзюро, состоявших на связи у начальника хэйхэской миссии Канда¹⁴⁰.

Однако наряду с положительными примерами деятельности советской контрразведки против японских спецорганов имели место случаи необоснованных арестов граждан Японии по обвинению в шпионаже в 1922–1924 гг., что свидетельствовало о слабой агентурной работе советских спецслужб против военных миссий в данный период. Так, в декабре 1922 г. в Забайкалье органами Госполитохраны был арестован как «военный шпион» предприниматель Ямадзи Дзиро, в июле 1923 г. в Николаевске-на-Амуре подверглись аресту по подозрению в «ведении военного шпионажа и связи с командованием армии Пепеляева» мехозаготовители Дои Исаму, Кобаяси Кодзабуро и Ивамото Ёсикадзу, а в декабре того же года в Никольск-Уссурийском был задержан управляющий предприятием по очистке льда Онодэра Тигао, до 1921 г. сотрудничавший с местной военной миссией, но затем отошедший от агентурной работы. Ни в одном из указанных случаев арестованные японцы на связи у органов военной разведки империи не состояли¹⁴¹.

Как свидетельствуют отчёты армейских разведывательных органов, несмотря на сокращение штатов, недостаточное финансирование, отток японских мигрантов из СССР и противодействие советских спецслужб, в 1922–1925 гг. Квантунская и Корейская армии собрали большой объём информации о социально-экономической и политической обстановке в Приморье, дислокации там частей Красной армии, работе КВЖД и советском влиянии в её полосе.

Так, в 85-страничной разведывательной сводке штаба Корейской армии от 10 мая 1924 г. нашёл отражение целый комплекс вопросов, имевших принципиальное для японского Кабинета министров значение на переговорах с Караханом: политика советского правительства в отношении Японии, система органов власти в Приморской губернии, состояние финансов, экономики и транспорта региона, продовольственное снабжение и идеологические настроения населения, обстановка в корейской диаспоре, деятельность корейских революционных организаций и белопартизанских отрядов. Кроме того, армейская разведка достаточно точно установила численность, дислокацию и уровень боеготовности 1-й Забайкальской, 2-й Приамурской стрелковых дивизий, отдельной Дальневосточной кавалерийской бригады и частей ОГПУ¹⁴²

---

¹⁴⁰ Архив НИИО МНО Японии. Т13-2-9 (С03022653800). Л. 1254–1255.

¹⁴¹ Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.75.001 (В03051381400). Л. 0341; 1.6.3.24.13.75.002 (В03051383100). Л. 0308–0309; (В03051383300). Л. 0402–0403.

¹⁴² Архив НИИО МНО Японии. Т12-1-38 (С06031241500).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.